

МОСКОВСКИЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНЫЙ ФОНД

РОССИЙСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:

**НОВАЯ
ПЕРСПЕКТИВА**

**СОВРЕМЕННАЯ
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ**

Хрестоматия

ОСОБЕННОСТИ КОМПАРАТИВИСТИКИ

(Из книги: Charles Ragin, *The Comparative Method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies*, pp 1-18. Copyright © 1987 The Regents of the University of California)

“Невозможно мыслить, не сравнивая. Поэтому без сравнения невозможны ни научная мысль, ни научное исследование” (Swanson, 1971, с. 145). Большинство специалистов в области общественных наук сегодня поддержали бы такое заключение, хотя иные испытали бы при этом соблазн заменить слово “сравнение” словосочетанием *переменные и взаимоотношения*. В сущности, никакое эмпирическое социальное исследование не обходится без того или иного сравнения. Ученые сравнивают между собой изучаемые случаи, используют статистические методы для проведения и уточнения количественных сравнений, сопоставляют отдельные случаи с теоретически сконструированными чистыми типами, выявляют отклонения показателей, вычисленных для отдельных случаев, от средних. Сравнение создает основу для суждений об эмпирических закономерностях, а также для оценки и толкования конкретных случаев, исходя из сущностных или теоретических критериев. В подобном широком смысле, сравнение играет ведущую роль в современных эмпирических общественных науках. С. Либерсон утверждает даже, что социальные исследования — это, “так или иначе, сравнительные исследования” (Lieberson, 1985, с. 44).

Хотя в широком смысле все исследовательские методы общественных наук можно считать сравнительными, термин *сравнительный метод*, как правило, используется в более узком значении для обозначения особого

вида сравнений — сравнения крупных макросоциальных единиц. Традиционно под сравнительным методом понимается основной метод, применяемый в компаративистике — разделе общественных наук, занимающемся сходством и различиями между отдельными обществами (Easthope, 1974). Вопреки этой традиции, вопрос об особенностях компаративистики вообще, и сравнительного метода в частности, вызывает сегодня серьезные разногласия. Некоторые компаративисты отрицают, что сравнительные общественные науки сколько-нибудь существенно отличаются от общественных наук как таковых (Grimshaw, 1973, с. 18).

Так, например, Н. Смелзер полагает, что сравнительное исследование не является “особой разновидностью социальных исследований” и что “анализ явлений в заведомо непохожих друг на друга сообществах (в особенности, в различных обществах или культурах) должен быть лишен специфических для него методологических проблем” (Smelser, 1976, с. 2-3). Согласно Смелзеру, объясняется это именно тем, что цели сравнительных и несравнительных исследований идентичны — объяснять социальные явления путем выявления предпосылок и причин вариаций (с. 5; см. также Armer, 1973, с. 50). При такой логике любые технические приемы, позволяющие объяснять отклонения, и есть сравнительный метод. А под данное определение подпадают практически все аналитические методы, используемые в социальных науках (см. Bailey, 1982).

Позиция, согласно которой компаративистика ничем не отличается от прочих общественных наук, а все используемые в общественных науках методы являются, в сущности, сравнительными, выглядит здоровой и даже привлекательной, ибо предполагает методологическое сродство субдисциплин обществознания. Ее придерживаются многие компаративисты, расценивая упор на неразрывность связи между сравнительными и несравнительными исследованиями как подтверждение тому, что компаративистика не менее “научна”, чем ее собратья. Однако при таком подходе игнорируются важные различия между *ориентациями* большинства компаративистов и некомпаративистов. А эти различия имеют серьезные методологические последствия. Хотя нельзя отрицать, что общая логика общественных наук единообразна и не зависит от характера субдисциплины, специфика сравнительных общественных наук делает их идеальным объектом для анализа ключевых методологических проблем. Я считаю, что выделение особенно-

стей компаративистики может дать серьезные познавательные результаты, применимые и к иным общественным субдисциплинам.

Наиболее явная особенность компаративистики — наличие четко выраженного водораздела между количественными и качественными исследованиями. Здесь он, возможно, шире, чем в любой иной субдисциплине обществознания. Причина отчасти заключается в том, что в отличие от других форм социальных исследований в сравнительных исследованиях доминирует качественная традиция. За последние двадцать лет именно в рамках этой традиции было создано несколько самых известных обществоведческих работ (от “Социальных корней диктатуры и демократии” Б. Мура до “Современной миросистемы” И. Валлерстайна), что наводит на мысль о ее преимуществах по отношению к великим теоретическим изысканиям таких классиков, как Э. Дюркгейм и М. Вебер.

Более важной причиной указанной ситуации является, однако, то, что в компаративистике на водораздел между количественными и качественными исследованиями накладываются другие различия, способствующие его расширению. В качественных исследованиях отдельные случаи обычно рассматриваются как некие целостности и именно в таком виде сравниваются между собой. В ходе анализа могут, правда, использоваться и переменные — например, как важную переменную можно трактовать наличие или отсутствие какого-то института. Но и тогда случаи выступают как конфигурации, комбинации характеристик. Таким образом, в рамках качественной традиции сравнение предполагает сопоставление конфигураций. Подобный “холизм” прямо противоречит сугубо аналитическому подходу большинства количественных исследований.

Качественная традиция не только ориентируется на изучение случаев в целом, но и широко прибегает к интерпретациям истории. Термин “*интерпретация*” используется здесь в ограниченном смысле. “Интерпретативным” нередко называют тип социальных исследований, имеющий лишь отдаленно эмпирический характер и направленный преимущественно на разрешение проблем смысла или герменевтики. В настоящей работе под интерпретативными понимаются эмпирические социальные исследования определенного вида: исторически ориентированные интерпретативные исследования стремятся к объяснению специфических исходов истории или наборов таких исходов (процессов), поддающихся сравнению и избранных в качестве объекта исследования ввиду их важности для современного инсти-

туционального устройства или для общественной жизни вообще. Обычно такого рода работы направлены на выявление общего смысла событий путем сведения данных воедино по хронологическому признаку. При этом формулируются ограниченно применимые исторические обобщения, объективно допустимые и в то же самое время учитывающие обуславливающую роль контекста и налагаемые им ограничения. Данное определение интерпретативного исследования во многом исходит из положений М. Вебера (Weber, 1949; 1975; 1977), но в большей мере допускает возможность исторических обобщений, основанных на анализе сравнимых случаев. В настоящей работе будут рассмотрены как отличительные характеристики подобных исследований, так и значение этих характеристик для компаративистской методологии. Я начну с определения сравнительных социальных наук.

Границы и цели компаративистики

Попытки очертить границы компаративистики предпринимались уже неоднократно, но, тем не менее, ученые далеки от единства по этому вопросу. Чаще всего сфера интересов названной дисциплины вычленяется исходя из специфики используемых данных. По причинам, которые будут изложены ниже, это неподходящая точка отсчета. Я утверждаю, что сравнительные общественные науки лучше определять по специфике их целей.

Как правило, сравнительное исследование определяют как исследование, в котором используются сопоставимые данные по двум или более обществам. Такое определение делает упор на кросс-социетальный характер данных, с которыми имеет дело компаративистика (см. Andreski, 1965, с. 66; Almer, 1973, с. 49). Хотя подобное определение сравнительных общественных наук и приемлемо в качестве рабочего, большинству компаративистов оно показалось бы слишком узким. Оно исключает, например, из числа компаративистских сравнительно ориентированные исследования единичных случаев, подобные "Демократии в Америке" А. де Токвиля или "Элементарным формам религиозной жизни" Э. Дюркгейма. На деле же многие специалисты по отдельным регионам являются полноценными компаративистами, ибо подспудно сравнивают объект исследования с собственными странами или с вымышленными, но убедительными теоретически идеальными типами. Таким образом, определять сравнительные социальные

науки по специфике используемых данных — это псевдоконкретный способ очертить сферу их охвата.

Некоторые ученые определяют сравнительные социальные исследования, подчеркивая их многоуровневый характер (см. Rokkan, 1966, с. 19-20). Согласно А. Пржеворскому и Г. Тьюну (Przeworski и Teune, 1970, с. 50-51), работа компаративиста ведется одновременно на двух уровнях — макросоциальном (т.е. целых систем) и внутрисистемном. Ученые утверждают, что любой анализ, принимающий во внимание сходства и различия лишь на макросоциальном уровне, не является подлинно сравнительным, даже если он включает исследование совокупностей внутрисистемных характеристик. Например, если макросоциальные переменные (такие, как валовый национальный продукт на душу населения) используются для объяснения вариаций зависимой переменной, выделенной как совокупность внутрисистемных данных (такой, как показатели грамотности), то работа, с точки зрения Пржеворского и Тьюна, не может считаться сравнительной. В идеале, макросоциальные переменные должны использоваться только для объяснения фиксируемых на внутрисистемном уровне различий между системами.

Исследование Р.Алфордом (Alford, 1963) кросснациональных колебаний роли классовых факторов в электоральном поведении подпадает под такое определение, так как в нем макросоциальные переменные (уровни индустриализации и урбанизации) используются для объяснения различий внутрисистемных характеристик отдельных стран (степень взаимосвязи между классовой принадлежностью и поддержкой определенных партий). Соответствует определению и работа Дж. Уолтона о национальных восстаниях в странах "третьего мира". Ученый использует макросоциальную переменную — уровень интегрированности страны в мировую экономику — для объяснения различий в степени воздействия массового протеста и ответных акций государства на возникновение революционных ситуаций в шести странах (см., в особенности, Walton, 1984, с. 188-197). Однако лишь немногие из работ, традиционно считающихся сравнительными, подпадают под данное определение. За рамками компаративистики остаются сравнительно ориентированные исследования единичных случаев, равно как и количественные кросснациональные исследования, оперирующие исключительно обобщенными данными по целым странам и направленные на выявление сходств и различий между обществами. Иными словами, определение Пржеворского и Тьюна — еще более узкое, чем предыдущее.

Оба приведенные выше определения не точны. И все же на их основе можно найти предварительное решение проблемы. Мы видели, что в обоих определениях важную роль играет макросоциальный уровень. В первом из них он фигурирует в требовании использовать данные по двум обществам, а во втором — в требовании многоуровневого анализа, выступая в качестве одного из уровней. Стало быть, границы компаративистики устанавливаются в связи с использованием макросоциальных единиц анализа.

Макросоциальные единицы важны для компаративистов не как разновидность данных, а как метатеоретическая категория. Отличительной чертой сравнительных общественных наук является использование свойств макросоциальных единиц для выработки суждений объяснительного характера, что тесно связано с двумя взаимосвязанными целями таких наук — объяснением и интерпретацией макросоциальных различий.

Важность макросоциальных единиц для объяснений, вырабатываемых в компаративистике, проще понять на конкретном примере. Рассмотрим исследование, в котором сильная корреляция между классовой принадлежностью и голосованием за определенную партию в Великобритании объясняется тем, что “Великобритания — индустриальное общество”. Данный вывод конкретизирует понятие “общество”, давая пример (Великобритания) и предполагая, что существуют другие общества, одни из которых — индустриальные, а другие — нет. Если же исследователь приходит к заключению, что корреляция объясняется мотивированностью поведения избирателей материальными выгодами или, скажем, тем, что “производственные отношения определяют политическое сознание”, то такой подход не будет сравнительным, ибо нет конкретизации какой бы то ни было макросоциальной единицы.

Подобное прямое, эмпирическое использование абстрактных макросоциальных единиц есть метатеоретический акт, отличающий компаративистов от некомпаративистов. Чтобы сравнить общества или иные макросоциальные единицы, исследователь должен присвоить им имена. Тем самым предполагается, по крайней мере имплицитно, что макросоциальные единицы реальны и что их нужно определить, пусть опять-таки косвенно, в ходе исследования. Тот факт, что разница между компаративистами и некомпаративистами имеет метатеоретический характер (т.е. выражается прежде всего в различии целей), столь сложно распознать, поскольку на изучение общества претендуют всех обществоведы. Ведь общественные науки — это именно

науки об обществах. Нужно, однако, видеть, что для некомпаративистов макросоциальные единицы, как правило, остаются чистыми абстракциями. Конечно, изучаемые ими закономерности и процессы протекают в социальной среде, но при этом нет нужды в ходе исследования открыто вводить в действие понятие об обществе. Компаративистам, напротив, приходится самым широким образом использовать макросоциальные единицы анализа.

Этим большим, всеохватным единицам редко дается определение (исключениями из правила могут служить: Parsons, 1977; Marsh, 1967). Так, например, А. Гримшоу, обсуждая отличительные черты компаративистики, прямо заявляет: “Я воздержусь от рассуждений о том, что образует [макросоциальную] систему” (Grimshaw, 1973, с. 4). Это — довольно расплывчатая позиция; в большинстве, компаративисты стремятся сравнивать, а не определять объекты сравнений (см. Andreski, 1965, с. 66). Фактом, однако, остается то, что сравниваются именно макросоциальные единицы, которые должны быть введены в действие в ходе исследования.

В самом обобщенном виде можно сказать, что компаративистов интересуют сходство и различия между макросоциальными единицами. Знания такого рода позволяют понимать, объяснять и интерпретировать разнообразные исторические исходы и процессы, а также их значение для современного институционального устройства. Для многих обществоведов сходство и различия между обществами представляют собой наиболее заметные вехи социального ландшафта. Поэтому они предпочитают объяснения, основанные на использовании макросоциальных единиц. Подобная тенденция еще более усиливается благодаря тому, что цели сравнительных социальных исследований обычно шире простого выявления и объяснения сходства и различий между обществами. Для большинства компаративистов, особенно если они придерживаются качественного подхода, не менее важно интерпретировать специфический опыт и пути развития отдельных стран (или групп стран). Иными словами, предметом интереса здесь служат случаи как таковые, в особенности разнообразие исторического опыта, а не только взаимоотношения между переменными, характеризующими большие группы случаев. Потому-то и усиливается тенденция использовать макросоциальные единицы как элементы объяснения.

Решение изучать различия на макросоциальном уровне и строить объяснительные суждения со ссылкой на макросоциальные характеристики — это, конечно, сознательный выбор, во многом продиктованный реально-

стью стран, наций, государств и подобных им крупных (и внушительных) политических образований. Поскольку обществоведы стремятся к интерпретации воздействующих на них же самих социально-исторических контекстов, им и приходится прибегать к макросоциальным характеристикам при объяснении социальных феноменов. В принципе, можно представить социальную науку, которая в этом бы не нуждалась. Например, тотальная психологизация исследований позволила бы обойтись без анализа на макросоциальном уровне. Маловероятно, однако, что обществоведы когда-нибудь полностью утратят интерес к внутригосударственным и международным событиям и тем самым смогут абстрагироваться от особенностей имеющегося социального контекста (как бы то ни было, это означало бы полное отрицание общественных корней и основы социальных наук). Таким образом, макросоциальные единицы играют в компаративистике столь важную роль именно потому, что они представляют собой основной элемент предлагаемых компаративистами объяснений.

Оговорка по поводу единиц анализа

Было бы неверно, однако, заключить, что главное различие между сравнительными и несравнительными исследованиями состоит в выборе разных единиц анализа. Приведенный выше пример показывает, что сравнительное исследование может прибегать к любым видам данных. Реальное значение имеет лишь то, как понимаются результаты исследования. И все же тот факт, что компаративистика, как правило, ориентируется на кросс-социетальные объяснения со ссылкой на макросоциальные феномены, свидетельствует, что вопрос об единицах анализа — отнюдь не излишний.

Тем не менее в развернувшихся по этому поводу дискуссиях замечен недостаток последовательности. Это и не удивительно, учитывая, что словосочетание “*единица анализа*” используется для обозначения двух совершенно разных метатеоретических конструкций. Иногда термин относят к категориям данных. Автор количественного кросснационального исследования экономической зависимости и экономического развития может, например, считать единицей анализа нацию-государство, так как именно на этом уровне собраны анализируемые им данные. Нередко, однако, термин применяется для отображения теоретических категорий. Дж. Вейнер в своей рецензии на книгу Б. Мура “Социальные корни диктатуры и демократии”

(1966) отмечает, что у Мура единицей анализа выступает “класс” (Weiner, 1976). И. Валлерстайн в целом ряде публикаций утверждает, что единственной обоснованной единицей анализа в компаративистике является “миросистема” (Wallerstein, 1974; 1979; 1980; 1984). Тем не менее при ближайшем рассмотрении оказывается, что анализируемые Муром случаи — это отдельные страны, а работы Валлерстайна по миросистеме полны ссылок на нации-государства и сравнений между странами, к примеру, центра и периферии.

То, что понятие “единица анализа” применяется для обозначения как категорий данных, так и теоретических категорий, породило немалую путаницу в компаративистике. Так, некоторые последователи Валлерстайна критикуют ученых, использующих в качестве единицы анализа (в смысле категории данных) нацию-государство, утверждая, что подобная практика оскверняет теорию миросистем и ведет к выдвиганию бессмысленных критериев оценки положенных в ее основу гипотез (см., в частности, Bach, 1977). Другие исследователи попытались использовать как единицу анализа — в смысле категории данных — современную миросистему в целом, занявшись анализом циклов и тенденций развития мировой экономики в целом (см. Bergesen, 1980; McGowan, 1985). Но из рассуждений самого Валлерстайна и его собственного анализа миросистемы ясно следовало, что миросистема рассматривалась им в качестве единственно обоснованной единицы объяснения, а не единицы данных.

Терминологическая путаница, обусловленная несогласованностью двух значений “единицы анализа”, сказывалась на состоянии сравнительных социальных исследований по меньшей мере с начала 60-х годов. Проблемы, связанные с обобщением данных, только усугубляли терминологические трудности и неразбериху. К примеру, Э. Аллардт предложил провести различие между “единицами данных” и “аналитическими единицами”, доказывая, что последние более теоретически значимы (Allardt, 1966, с. 339-341). Сходным образом Э. Шейх доказывал, что компаративистам необходимо различать “единицы наблюдений” и “единицы выводов” (Scheuch, 1966, с. 164; см. также Walton, 1973, с. 176). На ранних стадиях разработки своей методологической концепции Т. Хопкинс и И. Валлерстайн противопоставляли “исследовательские участки” и “теоретические единицы” (Hopkins и Wallerstein, 1970, с. 183). Некоторые ученые пытались прояснить ситуацию путем сведения дискуссии к “единицам сравнения” (Eisenstadt, 1966, с. 86;

Etzioni и Dubow, 1970, с. 7; Czudnowski, 1976, с. 27). Наконец, А. Пржеворски и Г. Тьон попытались развести “уровни наблюдения” и “уровни анализа” (Przeworski и Teune, 1970, с. 8, 49-50).

В основном, эти споры вызывались двусмысленностью термина “единица анализа”. Для большинства некомпаративистов использование данного термина не связано с какими-то особыми сложностями. Их анализ, как и предлагаемые объяснения, обычно относятся к одному уровню — индивидов или организаций. В компаративистике такое происходит крайне редко, ибо здесь анализ зачастую выполняется на одном уровне (возможно, индивидуальном, как это было в нашем примере), а объяснения формулируются на другом (обычно, макросоциальном). Конечно, подобный дуализм встречается в других разновидностях общественных наук, так что обсуждаемые здесь методологические проблемы в равной степени касаются и их. Однако в компаративистике такой дуализм выражен наиболее ярко, что, отчасти, и делает ее идеальной ареной для методологических споров.

Чтобы прояснить вопрос о единице анализа в компаративистике, необходимо провести различие между единицами наблюдения и объяснения. Такое различие прямо вытекает из наличия двух значений единицы анализа — как категории данных и теоретической категории. *Единица наблюдений* используется при сборе и анализе данных; *единица объяснения* применяется для выявления закономерностей в полученных результатах. В приведенном выше примере с классовым голосованием единицей наблюдения будет индивид (это — отношение, фиксируемое на индивидуальном уровне), а единицей объяснения — общество.

Методологические следствия

В объяснении, связывающем высокую степень корреляции между классовой принадлежностью и голосованием за определенные партии в Великобритании с индустриальным характером британского общества, содержится ряд допущений: что можно различать общества; что их можно подразделять на индустриальные и неиндустриальные; что индустриальным обществам присуща высокая степень корреляции между классовой принадлежностью и голосованием за определенные партии, тогда как в неиндустриальных обществах такой корреляции нет. Поскольку же (по крайней мере, на первый взгляд) общества нетрудно отличить друг от друга, исследователь

может составить список обществ, разделить их на индустриальные и неиндустриальные (или, на худой конец, измерить уровень индустриализации в каждой из них) и проверить, действительно ли в индустриальных обществах наблюдается сильная зависимость между принадлежностью к классу и голосованием, а в неиндустриальных — слабая. Если это так, то использование общего суждения (что в индустриальных обществах классовая принадлежность и голосование за определенные партии коррелируют) для объяснения специфического случая (соответствующего взаимоотношения, наблюдаемого в Великобритании) окажется оправданным.

К сожалению, социальное исследование крайне редко бывает до такой степени простым. Выявление кросс-социетальных доказательств, подобных описанным выше, связано со множеством технических проблем. В основном, они касаются сравнимости относительно несхожих обществ. Дело в том, что каждый из случаев (скажем, стран), используемых компаративистами, имеет свою историю и свою идентичность. К ним нельзя относиться как к анонимным, бесплотным результатам научных наблюдений. В нашем примере ученый, знакомый с имеющимися отношениями к проблеме случаями, может усомниться в сравнимости показателей классовой принадлежности в разных обществах или же солидаризации между партиями и общественными классами. Может вызвать сомнения правомерность разделения обществ на индустриальные и неиндустриальные, не очевидны и способы измерения уровней индустриализации. Проблемы, связанные с определением способов измерения, крайне важны и с некоторых пор привлекают пристальное внимание исследователей. Многие дискуссии по методологии компаративистики были, по сути, дела посвящены исключительно этим проблемам.

Еще более фундаментальная трудность связана с тем, что при оценке объяснений, даваемых в рамках компаративистики, нередко приходится учитывать наличие эмпирических факторов, ограничивающих число доступных для исследования случаев. Даже исследователи, заявляющие о том, что их интересуют все общества, и относящие к обществам все существующие ныне нации-государства, при первой же попытке количественного анализа сталкиваются с серьезными статистическими проблемами. Казалось бы, весьма значительное число объектов исследования — в мире насчитывается более ста наций-государств — сразу же сокращается на половину из-за отсутствия данных. Оставшиеся же случаи часто нерепрезентативны по от-

ношению ко всей выборке, будь то исходные сто с лишним наций-государств или, тем более, все общества (макросоциальные системы). Эта проблема встает и в рассматриваемом нами примере гипотетического научного исследования. Многие общества как индустриальные, так и неиндустриальные не являются демократическими. Любые попытки оценить степень взаимосвязи между классовой принадлежностью и голосованием за определенные партии в подобных странах будут спорными, если не сказать — вводящими в заблуждение. Более того, само определение демократического общества является спорным и идеологически предвзятым.

Число релевантных случаев могут снижать и теоретические ограничители. Например, при проведении описанного выше гипотетического анализа обществ с разными уровнями индустриализации может оказаться, что исходное обобщение (согласно которому классовая принадлежность определяет выбор партии при голосовании только в индустриальных обществах) теоретически значимо лишь для демократических стран, прошедших в своем развитии фазу феодализма. Если это действительно так, то исследователю приходится начинать с составления списка демократий, имевших феодальное прошлое, а уж затем классифицировать их по принципу уровня индустриализации. Вообще говоря, чем более ярко выражены эмпирически наблюдаемые или теоретические особенности, тем меньше случаев можно ввести в поле анализа. А чем их меньше, тем вероятнее, что оценить результаты исследования в соответствии со строгими социально-научными стандартами, особенно в количественном плане, будет очень трудно.

Отмеченные ограничения нередко сводят число находящихся в распоряжении исследователя случаев к минимуму, так что есть феномены, события объяснения которых численно превосходят количество доступных примеров. Выбрать наилучшее объяснение тогда невозможно. Говоря языком статистики, использование понятия “общество” в объяснительных суждениях порождает серьезные трудности со степенями свободы, потому что число подходящих для объяснения переменных превосходит число случаев. С точки зрения социально-научного стандарта, серьезный недостаток компаративистики состоит именно в ограниченной способности к проверке теорий.

Но многие компаративисты, особенно ориентированные на качественные исследования, часто и не занимаются проверкой теорий как таковой. Они, скорее, *применяют* теорию к конкретным случаям в целях их интер-

претации. Поскольку предлагаемые компаративистикой объяснительные суждения неизбежно содержат ссылки на свойства макросоциальных единиц, в исследованиях всегда фигурируют объекты с известными историями и идентичностями. К таким объектам трудно относиться как к единой массе научного “сырья”. Напротив, возникает желание учесть и объяснить особенности отдельных случаев, что, в свою очередь, требует использования ориентированных именно на единичные случаи аналитических методов, чувствительных к обстоятельствам времени, места, наполнения и протекания процессов.

Вспомним, что одна из специфических целей компаративистики — интерпретация важных исторических исходов. С точки зрения других отраслей социального знания, это налагает жесткие ограничения на исследовательскую практику, сводя число подлежащих анализу случаев к минимуму. По существу, при интерпретации важных исторических исходов компаративисты берут крайние значения на общей шкале переменных (например, социальная революция есть крайнее значение на шкале беспорядков) и изучают лишь экстремальные случаи. Такую практику можно оправдать ссылкой на скачкообразность переходов от умеренных к крайним значениям даже в рамках, казалось бы, континуума, а также культурной важностью и историческим значением экстремальных случаев. Таким образом, проблема недостаточного числа обществ, на материале которых можно было бы проверить теории, дополняется тем, что собственные исследовательские интересы и цели компаративистики (и отдельных компаративистов) часто заставляют их обращаться к немногим случаям — слишком немногим для использования статистических методов.

По сути дела, в большинстве своем компаративисты интересуются проблемами, значение которых ограничено как в содержательном, так и в историческом плане. Обычно это гораздо более узкие проблемы, чем сформулированный выше абстрактный вопрос о воздействии индустриализации на степень взаимосвязи между классовой принадлежностью и голосованием за определенные партии. В типичном сравнительном исследовании эмпирические обобщения могут строиться на совсем небольшом наборе случаев. Так, социальных революций — по крайней мере, соответствующих определению Т. Скокпол (Skocpol, 1979) — было немного. Есть лишь несколько примеров успешных восстаний против неокOLONИализма. Случаев зависимо-го промышленного развития в странах “третьего мира” больше, но опять-

таки недостаточно для применения методики количественного кросснационального исследования. Тем не менее перечисленные и подобные им проблемы требуют внимания компаративистов. То, что существует лишь ограниченное число подходящих для изучения случаев, причем каждый из них имеет собственную историю и идентичность (т.е. известную особенность), сильно сказывается на характере исследовательского процесса.

Исходная характеристика сравнительного метода

Чем меньше количество доступных наблюдению случаев, тем меньше возможность подвергать результаты исследования проверке на основе строгих статистических методов -- нужно использовать иные. Н. Смелзер утверждает, что при ограниченном числе релевантных случаев необходимо прибегать к методу "систематической сравнительной иллюстрации", рассматриваемому как грубое приближение к более сложным статистическим процедурам: "Чаще всего такой метод требуется для сравнительного анализа национальных единиц или культур" (Smelser, 1976, с. 157). В качестве примера систематической сравнительной иллюстрации Смелзер ссылается на проделанное А. де Токвилем сравнение американских, французских и английских обычаев. Токвиль выявил то простое обстоятельство, что сходства между этими общностями, вроде использования одного и того же языка англичанами и американцами, непригодны для объяснения различий между ними, и наоборот (Smelser, 1976, с. 158). В общем, метод систематической сравнительной иллюстрации предполагает применение разработанных Дж. С. Миллем (Mill, 1843) метода согласования и непрямого метода различения.

В одной из ранних работ Смелзера (Smelser, 1973) систематический анализ сходств и различий был объявлен истинно сравнительным методом в отличие от статистического. Позднее, в работе "Сравнительные методы социальных наук" Смелзер пришел к заключению, что все социально-научные методы являются, строго говоря, сравнительными и с этой точки зрения статистический метод -- именно в качестве сравнительного -- выше метода систематической сравнительной иллюстрации (Smelser, 1976). Последний уступает первому именно потому, что к нему прибегают в ситуации, когда число имеющих отношение к проблеме случаев ограничено и нет возможности установить систематический контроль над источниками различий между

социальными феноменами. Это, в свою очередь, сокращает возможность социально-научных обобщений.

Фактически, Смелзер именуется систематической сравнительной иллюстрацией именно то, обществоведы традиционно называют "сравнительным методом". Этот метод составляет сердцевину стратегии, направленной на изучение отдельных случаев, и существенно отличается от корреляционных методов, на которых строится стратегия, ориентированная на анализ переменных. Его действительно можно назвать сравнительным, ибо он прямо вытекает из постановки вопросов об эмпирически определенных, исторически конкретных крупномасштабных социальных явлениях и процессах, поиском ответов на которые занимаются компаративисты. Проблемы, для решения которых необходим детальный анализ относительно небольшого числа случаев, поднимаются и в других типах общественных наук, но для компаративистики исследование таких проблем наиболее типично.

Коль скоро мы пришли к выводу, что отличительные черты сравнительного метода связаны с целями сравнительных исследований, причем работа в этой области предполагает именно такой метод, можно перейти к определению его специфических характеристик.

Логика сравнительного метода

"Удивительно, что после всех разговоров о ценности сравнения так и не разработана строгая сравнительная методология. Причина ее отсутствия состоит, возможно, в том, что разработка такой методологии была бы связана с большими трудностями" (Porter, 1970, с. 144). Смелзер мог бы сказать, что строгий сравнительный метод -- это терминологическое противоречие, ибо сравнительный метод по определению применяется лишь там, где количество релевантных случаев невелико, а значит, невозможно установить статистический контроль над предпосылками и причинами различий между социальными явлениями. Но если ограниченность числа случаев действительно препятствует строгости метода, то не менее серьезными препятствиями являются комбинаторный характер даваемых компаративистами объяснений и методологический "холизм".

Многие компаративисты, особенно те, кто ориентирован на качественные исследования, заинтересованы в кросснациональном сравнении особых последовательностей исторических событий и их исходов. А такие ис-

ходы часто требуют сложных, комбинаторных объяснений, с трудом поддающихся проверке на основе процедур, стандартных для квантитативных социальных наук. Когда рассуждение, направленное на анализ причинности, имеет комбинаторный характер, строгости метода мешает уже не нехватка случаев, а *недостаток их разнообразия*.

Деятельность ориентированных на качественные исследования компаративистов состоит в изучении того, каким образом взаимное соответствие условий и причин в одних контекстах соотносится с их взаимным соответствием в других (или с тем, как они соответствовали бы друг другу в некоем идеал-типическом случае). Иными словами, компаративисты подходят к каждому наблюдаемому объекту как к поддающейся интерпретации комбинации частей и рассматривают его в целом. Таким образом, даваемые в компаративистике объяснения обычно содержат указание на сходящиеся в одной точке каузальные условия. Причины берутся в отношении друг к другу или определенным образом комбинируются.

Эту практику можно проиллюстрировать простым примером. Компаративист может утверждать, что классовая принадлежность и голосование за определенные партии в Великобритании тесно взаимосвязаны не *просто* ввиду существования в стране индустриального общества, а еще и потому, что британское общество пережило длительный период классовой мобилизации и борьбы, хронологически совпавший со становлением современной политической системы. В действительности, здесь указываются три сходящихся в одной точке условия: (1) история классовой борьбы; (2) ее хронологическое совпадение с вызреванием политики; (3) давняя индустриализованность страны. Фиксируемое на уровне индивидов соотношение между классовой принадлежностью и голосованием за определенную партию объясняется именно комбинированным действием указанных причин, т.е. можно утверждать, что их конфигурация объясняет наблюдаемую взаимосвязь.

Строгая оценка данного утверждения потребовала бы выявить среди демократических стран все логически возможные комбинации трех выделенных условий, а затем рассмотреть взаимосвязь между классовой принадлежностью и голосованием за определенную партию в каждой из таких комбинаций. Требование анализа каждой из комбинаций предъясняется потому, что нужно проверить, является ли именно их совместное действие причиной обсуждаемой взаимосвязи. Если она действительно наблюдается лишь при совпадении трех условий и ее наличие действительно прослежива-

ется во всех случаях такого совпадения, то можно считать, что исходный общий тезис подтвердился.

На самом деле, это трудновыполнимая процедура. В нашем распоряжении нет примеров всех восьми логически возможных комбинаций трех пар условий, а между тем, лишь при их наличии была бы возможна строгая оценка. Некоторые из таких комбинаций, рассматриваемых как отдельные случаи, отдельные тотальности, а не только совокупности разных значений по трем шкалам, просто не встречаются в реальности, хотя логически они возможны. В лучшем случае, исследователь может проанализировать действительно существующие комбинации с точки зрения воздействия каждой из них на взаимосвязь между классовой принадлежностью и голосованием за определенную партию.

Хотя приведенный пример иллюстрирует связанные с “холизмом” недостатки сравнительного метода, высвечиваются и его отличительные черты. Как уже отмечалось, в центре внимания сравнительного метода находятся конфигурации условий; он используется, чтобы определять, какие специфические комбинации условий связаны с определенными исходами или процессами. Более того, сравнительный метод основан на “логических методах” (см. Gee, 1950); он привлекает оба сформулированных Дж. С. Миллем индуктивных метода — метод согласования и непрямой метод различения (Mill, 1843; см. также Skocpol, 1979, с. 36; Skocpol и Somers, 1980; Zelditch, 1971; Ragin и Zaret, 1983). Перечисленные методы используют всю совокупность доступных и относящихся к делу данных о причинах специфических исходов и путем анализа сходств и различий между отдельными случаями объясняют причинно-следственные связи.

Ввиду такой природы сравнительного метода статистические критерии имеют для него меньшее значение. Это означает, что сравнительный метод имеет дело не с выборками, а с примерами исследуемых явлений, и, кроме того, что формулируемые объяснения не имеют вероятностного характера, ибо изучаются и объясняются все доступные примеры. Соответственно сравнительный метод не придает большого значения тому, насколько часто встречаются в реальности случаи того или иного типа. Например, если известны многочисленные примеры какого-то явления и две комбинации причин, порождающих его, то обеим комбинациям приписывается одинаковая объяснительная ценность, хотя одна из них может встречаться часто, а другая — нет. Применение статистического метода к аналогичному массиву

данных не позволило бы выделить эту редко встречающуюся комбинацию. Для сравнительного же метода важны обе, и именно потому, что они в равной мере порождают исследуемое явление.

Согласно позиции Смелзера, сравнительный метод уступает статистическому. Справедливо ли это? У сравнительного метода есть несколько важных преимуществ перед статистическим. Во-первых, статистический метод не имеет комбинаторного характера; каждое из релевантных условий берется им изолированно от других. Поэтому, например, статистический метод позволяет получить ответ на вопрос: каковы следствия длительной истории классово-борьбы без учета следствий индустриализации? Гораздо труднее ответить с его помощью на вопросы, связанные с последствиями комбинации условий (т.е. исследовать ситуацию в целом). Чтобы исследовать комбинации условий нужно проанализировать статистические взаимодействия. Но введение большого количества статистических взаимодействий в исследование, ориентированное на анализ переменных, ведет к проблемам солинейности и малых степеней свободы, особенно при небольшом количестве релевантных случаев. К примеру, исчерпывающее исследование различных комбинаций семи условий потребовало бы статистического анализа эффектов более ста различных взаимодействий.

Во-вторых, при использовании сравнительного метода вырабатываются объяснения, которые могут быть отнесены ко всем доступным примерам исследуемого явления. Правда, подобные объяснения могут содержать интерпретационные ссылки на особенности одного или нескольких девиантных случаев, но сравнительный метод по крайней мере автоматически высвечивает такие отклонения, и исследователь не вправе оставить их без объяснения. Именно это и позволяет сравнительному методу лучше справляться с задачей интерпретации специфических случаев и выявления исторической специфики. Отмеченная особенность сравнительного метода делает его еще и более подходящим для разработки новых теорий и синтеза уже существующих.

В-третьих, сравнительный метод не побуждает исследователя при творяться, будто в его распоряжении имеются выборки случаев по любой из анализируемых совокупностей, позволяющие проверять результаты работы на статистическую значимость. Границы сравнительного исследования устанавливаются его автором (см. Walton, 1973, с. 174-175); они совпадают с

границами произвольно определяемых (или не определяемых вообще) совокупностей обществ, исторических периодов или событий.

Наконец, сравнительный метод заставляет исследователя детально ознакомиться со всеми случаями, имеющими отношение к его работе. Чтобы проводить имеющие познавательную ценность сравнения между случаями как некими целостностями, необходимо исследовать каждый из них непосредственно, а затем уже сравнивать с другими. В противоположность этому, статистический метод требует расчленения общества на переменные и исследования отношений между такими переменными. Ему чужд непосредственный анализ сходств и различий между случаями, взятыми как конфигурации характеристик.

Короче говоря, было бы неверным считать сравнительный метод незаконнорожденным братом статистического. Эти методы качественно различны, причем сравнительный метод соответствует именно тем типам вопросов, которыми задаются многие компаративисты.

Раскол между качественным и количественным подходами в компаративистике

Как уже отмечалось, сравнительный метод — это, в сущности, стратегия сравнительных исследований, ориентированная на изучение отдельных случаев. Главное для него — сравнение случаев, причем последние берутся в их целостности, как комбинации характеристик (Ragin и Zaret, 1983). Такая ориентация и отличает сравнительный метод от статистической методологии, применяемой в общественных науках. Конечно, не все обществоведы, называющие себя компаративистами, используют сравнительный метод именно так, как показано выше. Многие придерживаются стратегии, ориентированной на анализ переменных в соответствии с методологическими нормами основного направления в обществознании с его упором на переменные и взаимоотношения между ними. Цель подобной стратегии состоит обычно в том, чтобы делать обобщения по поводу взаимоотношений между переменными, а не в том, чтобы достигать понимания и формулировать интерпретации исторических исходов для малого количества случаев или в рамках набора случаев, определенного эмпирически. Существуют и комбинированные стратегии, хотя при ближайшем рассмотрении часто оказывается, что они все же подпадают под одну из категорий. Примерами таких стра-

тегий могут служить ориентированные на анализ переменных исследования, дополненные анализом отдельных случаев (см., например, Paige, 1975; Stephens, 1979), и исследования случаев, дополненные количественным анализом (см. Shorter и Tilly, 1974).

Дихотомная природа сравнительных исследований с присущими им ориентациями, с одной стороны, на случаи, а с другой — на переменные, делает их идеальным полем для анализа методологических проблем — прежде всего проблемы разрыва между качественными и количественными подходами и путей его преодоления. Сравнительные исследования являются единственной отраслью американских общественных наук, в которой важную роль играет качественный анализ небольшого числа случаев. Поэтому именно в компаративистике стратегия, ориентированная на переменные, бросает вызов устоявшемуся качественному подходу. В других отраслях дело обстоит прямо противоположным образом. Таким образом, традиционная для сравнительных исследований ориентация на случаи может быть прямо противопоставлена набирающей силу традиции, ориентированной на переменные.

Традиция качественных исследований сильна в компаративистике по той причине, что все основные методологические расколы налагаются там на раскол между качественным и количественным подходами. Как показывает предпринятый выше анализ логики сравнительного метода, ориентированные на качественный подход исследователи обычно задаются исторически и эмпирически определенными вопросами и, как правило, отвечают на них в историческом ключе, выявляя происхождение явлений. Поэтому качественным сравнительным исследованиям присущи “холизм” и интерпретативный подход к сопоставляемым данным.

Раскол между количественным и качественным подходами в компаративистике усиливается в связи с тем, что находящиеся в центре внимания компаративистов проблемы имеют прямое отношение к макросоциальным единицам, обладающим значимыми социальными идентичностями (например, к нациям-государствам). Эти идентичности принципиально важны для качественных исследований, тогда как при проведении количественных кросснациональных исследований они могут стать серьезной помехой в работе (вспомним Кувейт, который всегда оказывался досадным исключением при исследовании экономической зависимости и развития). Данный аспект компаративистики еще больше повышает ее ценность при обсужде-

нии методологических проблем, ибо противоречия между исследовательскими стратегиями и следствия выбора той или иной методологии (зачастую имеющие политическое значение) проявляются там с максимальной отчетливостью.

Например, в течение какого-то времени внимание обществоведов было приковано к проблеме развития. Но развитие может определяться по-разному. Определяя его в терминах валового национального продукта на душу населения, мы тем самым включаем в число развитых Западную Европу, США и некоторые нефтедобывающие страны. Определение, в котором делается упор на степень удовлетворения основных человеческих потребностей, ведет к “перестройке” иерархии развитых стран и повышению статуса Восточной Европы. Если же подойти к проблеме критериев развитости с политической, качественной точки зрения и отнести к категории развитых страны, где сложилась национальная политическая культура, подкрепляемая стабильностью центральных правительств, легитимность которых признана гражданами, иерархия развитых стран вновь изменится (в их состав войдет, в частности, Мексика). А такое изменение потребует полного переосмысления всего комплекса проблем, связанных с развитием.

Таким образом, решения методологического плана, значение которых в других отраслях общественных наук было бы пренебрежимо малым, в сравнительных исследованиях с неизбежностью приобретают политическое звучание. Это особенно ярко проявляется в работах компаративистов, выполняющих качественно ориентированные исследования.

Л.В. Сморгун

**СОВРЕМЕННАЯ
СРАВНИТЕЛЬНАЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Учебник

7. ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ И РЕЖИМОВ

В современной сравнительной политологии типологизация политических систем и режимов является одной из задач исследования. Несмотря на то, что многие согласны с М.Вебером относительно того, что типы — это скорее вспомогательный методологический инструмент анализа, тем не менее систематизация различных объектов и процессов в политике вызывает повышенный интерес и у исследователя, и у читателя. В сравнительной политологии встречаются три вида группировок политических систем и режимов: типология, классификация и таксономия. Основное внимание в этой главе будет обращено на типологию и типологизацию.

7.1. Типологический анализ

В политической науке, особенно в такой ее отрасли, как сравнительная политика, возникает задача упорядочивания, или организации теоретического и эмпирического материала о политических системах. Одним из способов такого упорядочивания и служит типология. Под *типологизацией* понимается *метод поиска устойчивых сочетаний признаков изучаемых объектов, позволяющий распределить их по относительно однородным группам*. Результатом типологизации выступает типология, т.е. распределение изучаемых объектов по относительно однородным группам. Типологизация выполняет ряд функций в исследовании:

1. Она позволяет разграничить главные (основные, необходимые) и неглавные (второстепенные, случайные) признаки изучаемых объектов; различия признаков объектов, включенных в один и тот же тип, являются случайными; признаки объектов, на основе которых различаются типы, являются необходимыми.
2. Типология выполняет функцию описания изучаемой совокупности объектов, т.е. позволяет создать целостную и логически завершенную систему знания об их признаках.
3. Типология служит объяснению изучаемой совокупности объектов, так как включает показ взаимосвязей между различными их

признаками, раскрывает «механизм» сочетания устойчивых характеристик объектов.

4. Типология обеспечивает организацию самого процесса теоретического и эмпирического исследования совокупности объектов, т.е. выполняет методологическую функцию; она позволяет формировать понятийный аппарат исследования, строить гипотезы, увязывать различные уровни исследования.

5. Типология выступает важным средством научного прогноза развития изучаемой совокупности объектов, что особенно важно для познания эволюционирующих систем, к которым естественно относятся и политическая система.

6. Типология также служит определению исследовательских перспектив, стимулирует развитие научных направлений, способствует определению «белых пятен» в исследуемой области.

Различают теоретическую и эмпирическую типологии. Теоретическая типология строится исследователем, как правило, на основе некоторых идеальных моделей, позволяющих выделить определенный набор абстрактных признаков совокупности изучаемых объектов. Данные признаки характеризуются всеобщностью и не включают непосредственно конкретных свойств объектов. Критерии типологизации здесь обосновываются теоретическим путем. Теоретическая типология в начале научного исследования носит априорный (доопытный) характер и подтверждается, опровергается или исправляется в процессе эмпирического анализа. Теоретическая типология в конце научного исследования составляет основу разработанной теории. Эмпирическая типология строится исследователем на основе собранного эмпирического материала в процессе измерения конкретных свойств изучаемых объектов. Существенным ее отличием от теоретической типологии выступает конкретизация свойств изучаемых объектов в отдельных переменных, которые и выступают критериями типологии. Часто эмпирическая типология сопровождается *классификацией*, т.е. использованием формальных методов разбиения совокупности объектов на группы. Теоретическая и эмпирическая типологии должны быть взаимосвязаны в исследовании. Сложность этой взаимосвязи определяется многоступенчатым характером перехода от абстрактных понятий к конкретным и наоборот, необходимостью сочетания точности и содержательности исследования применительно ко всей совокупности изучаемых объектов. Если типологизация строится на основании изучения сочетаемости признаков изучаемой совокупности явлений, то *таксономия* является простой формой распределения объектов по группам, выделенных на основании одного или нескольких несвязанных критериев. Как подчеркивает Гай Питерс, «возможно, крайней версией таксономического подхода к сравнению выступает описание одного типа политической системы, в которой исследователь заинтересован, а следовательно использование простой дихотомии для анализа: объект является "X" или "не X"» (Peters, 2000, 17).

Для построения обоснованной типологии нужен учет следующих основных требований:

1. Типология должна охватывать всю совокупность изучаемых объектов, т.е. категории типологической схемы должны быть исчерпывающими: должны быть категории для каждого возможного случая и каждый возможный случай должен соответствовать категории.

2. Критерии, на основе которых строится типология, должны быть существенными, раскрывать необходимые черты изучаемых объектов. (Таксономии, которые иногда используются для разбиения изучаемой совокупности объектов на основе внешних подобий, не являются типологиями. Они могут служить лишь в качестве дополнительного или промежуточного средства исследования.)

3. Построенная типология должна относительно равномерно распределять объекты изучаемой совокупности по группам. Если все или почти все объекты сгруппированы в одну категорию, то ряд существенных подобий и различий исключается из рассмотрения. К тому же при переходе на эмпирический уровень анализа и использование классификации ограничивается использование статистических методов анализа и группировки.

4. Совокупность критериев типологии должна быть целостной, т.е. по возможности выражать не только комплекс основных характеристик изучаемой совокупности объектов, но и давать представление об органической целостности соответствующих типов.

5. Критерии типологии должны быть сравнимы. Все категории должны быть определены в терминах одного и того же критерия. Разнородные критерии (например, при изучении политических систем иногда используются для одной и той же типологии критерии культурологические, технологические, политические) свидетельствуют о недостатках идеально-типического моделирования.

7.2. Виды типологий политических систем

Типологии политических систем широко используются в современной политической науке. Но уже в истории политических идей мы обнаруживаем интерес к типологизации политической жизни, особенно такого ее института, как государство. Самая древняя и наиболее известная научная типология государств была осуществлена Аристотелем, который жил в Древней Греции в IV веке до н.э., в его книге «Политика». Аристотель различает правильные формы государства и неправильные. Правильными являются те, где истинная цель государства состоит в общем благе. Неправильными являются государственные формы, в которых имеются в виду выгоды одних правителей, а не народа. Государственный строй, считает Аристотель, представляет из себя такой порядок, при котором господство

принадлежит законно установленной власти. Наряду с критерием общего блага он использует и критерий количества лиц, осуществляющих управление — один человек, немногие, многие. Отсюда у него появляется известная типологическая схема (см. табл. 1).

Таблица 1

Аристотелевская типология государств

		Правильные государства: общее благо	Неправильные государства: частное благо
Правят:	один	Монархия	Тирания
	немногие	Аристократия	Олигархия
	многие	Полития	Демократия

Среди правильных форм государства он выделяет монархию, или царство, где властвует один для общего блага; аристократию, или господство лучших для общего блага; политию, или господство многих для общего блага. Каждой правильной форме противостоит неправильная: тирания, где имеется в виду только польза правителя; олигархия, где правят немногие богатые для собственной выгоды; демократия, где властвуют многие бедные, имея в виду только собственный интерес. Аристотель так же выделяет ряд критериев для типологии основных правильных и неправильных форм государств: как формируются должностные лица (назначение, выборы), оплачивается ли выполнение должностных обязанностей, правит ли закон, какова система гражданства и т.д.

Нынешние типологии политических систем учитывают не только характер государства, но и многие иные признаки, присущие современному политическому процессу. Одни из них делают акцент на исторической динамике политических систем, выстраивая последовательность в эволюции политических систем и режимов. Подобные типологии строятся при изучении процессов политической модернизации, состояния политических режимов в развивающихся странах, переходов от авторитарных политических систем к демократическим в условиях третьей волны демократизации. Эти типологии условно можно обозначить как эволюционные или сравнительно-исторические. Другие типологии уделяют внимание строению политических систем, особенностям политического процесса в них. Такие типологии наиболее распространены, и их можно назвать «морфологическими». При этом заметим, что цель и характер исследования определяют конкретную модификацию самой типологической схемы. Анализ имеющихся «морфологических» типологий политических систем позволяет разделить их на два основных вида: линейные бинарные ти-

пологии и координатные — парные и множественные — типологии. Линейные типологии базируются на предпосылке, что все политические системы можно расположить на некоем континууме, обозначив крайними полюсами этого континуума предельные характеристики двух противоположных типов политических систем: демократических и авторитарных (тоталитарных). Как правило эти характеристики рассматриваются как противоположные друг другу или отрицающие друг друга. Соответственно передвигаясь по этой линии и находя узловые точки, мы группируем вокруг них соответствующие политические системы. Но можно для типологии взять два основных критерия и сравнить по ним имеющиеся политические системы. Такая типология является парной координатной типологией. Если же берутся не два, а большее количество критериев и по их соотношению распределяются политические системы, то типологию можно назвать множественной координатной. Ниже мы рассмотрим основные виды «морфологических» типологий, а также эволюционных типологий.

7.3. Линейные типологии политических систем

Гарольд Лассуэлл и Абрахам Каплан — известные американские политологи — предложили биполярную типологию политических систем правления в своей книге «Власть и общество» (1957 г.). Все политические системы правления они распределили на два основных типа: демократические и деспотические. При этом они использовали следующие основные критерии: расположение власти — в чьих руках находится власть; границы власти — как далеко распространяется власть государства в обществе; разделение власти — концентрируется или нет власть в одних руках (в одном государственном органе); рекрутирование элит — как формируется элита, и является ли она открытой или закрытой; ответственность — ответственна ли власть перед народом; распределение ценностей — способствует ли власть общему благосостоянию, или она эксплуатирует свой народ; решения — как принимаются решения и можно ли их оспаривать.

Деспотические и демократические политические системы определяются на основе противопоставления признаков, следующих из предложенных критериев (см. схему 1). Демократия здесь определяется следующими тремя основными характеристиками властного процесса: (1) Власть осуществляется с максимальной собственной ответственностью. Демократия несовместима с любой формой авторитаризма, невзирая на пользу, проистекающую из такой концентрации ответственности. (2) Процесс власти не является абсолютным и замкнутым: решения обусловлены и подвержены оспариванию. Демократия несовместима с волюнтаризмом и неконтролируемым осуществлением власти, несмотря на большинство, которое эту власть осуществляет. (3) Польза от процесса власти распределяется между

всеми в политической структуре. Демократия несовместима с существованием привилегированных каст, невзирая на ожидания, касающиеся предполагаемого «общего интереса».

Иные характеристики, как считают Лассвелл и Каплан, эмпирически и по определению проистекают из трех основных свойств демократического правления. Таким образом, демократия является либеральной скорее, чем тоталитарной (добровольность максимизирована, а регламентация минимизирована), а также по определению либертарной, т.е. связанной с личной ответственностью. Она связана с равноправием (элита составляет скорее открытый класс, чем закрытую касту) по определению государства всеобщего благосостояния и с точки зрения справедливости. Она является республиканской скорее, чем авторитарной (открытая форма правления скорее, чем ограниченная олигархическая). Данное правление является сбалансированным (распределенным), а не диктаторским (концентрированным), что является эмпирическим условием юридической защиты. Подобно этому понятие деспотизма описывается как авторитарное, тоталитарное, эксплуатирующее и т.п. правление.

Схема 1

Характеристики демократического и деспотического правлений*

Характеристики	Демократическое правление	Деспотическое правление
Расположение власти	Республиканское	Авторитарное
Границы власти	(Открытая элита)	(Ограниченная элита)
Разделение власти	Либеральное	Тоталитарное
Рекрутирование элит	(Добровольность)	(Строгая дисциплина и единообразие)
Ответственность		Диктаторское
Распределение ценностей	Баланс	(Концентрация)
Решения	(Рассеивание)	Дискриминаторское
	Равноправное	(Закрытый класс-каста)
	(Открытый класс)	Авторитарное
	Либертарианское	(Другие)
	(Личность)	Эксплуататорское
	Благотворительное	
	(Государство всеобщего благосостояния)	(Пристрастное)
	(Беспристрастное)	Тираническое
	Юридическое	(Неоспариваемое)
	(Оспариваемое)	

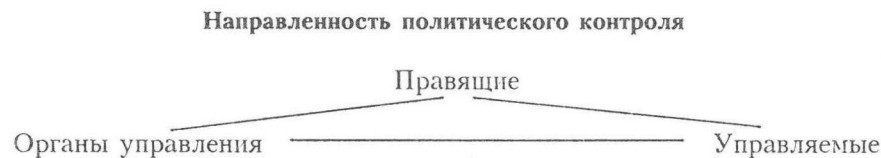
* Источник: Lasswell H., Kaplan A., 1957. P. 235.

Данная типология представляет собой пример типологии, построенной на основании чистых идеальных моделей демократии и деспотизма.

Она является теоретической типологией без конкретизации предложенных критериев для эмпирического анализа. К тому же эта типология не предполагает выделения большего числа групп политических систем на основании поиска критериев изменения качества предложенных характеристик.

Известной типологией линейного типа с более дробной группировкой и попыткой внести в нее элемент эволюции политических систем является типология Гэбриэля Алмонда и Бингхема Пауэлла, представленная в их совместном труде «Сравнительная политика: Эволюционный подход» (1966 г.). Рассматривая современные политические системы, они выделяют две их группы — демократические и авторитарные. Возникает вопрос относительно критерия, по которому можно было бы с большей долей уверенности распределять политические системы на эти две группы. С одной стороны, эти критерии должны быть ясными и соотноситься с реальной политической практикой. С другой стороны, эти критерии должны быть настолько общими и абстрактными, чтобы с их помощью можно было бы произвести оценку всех современных систем. Центром такой категоризации, считали авторы, мог бы выступить вопрос о *политическом контроле*. В этом контексте любая политическая система может быть разделена на три составляющих ее элемента: правящие, управляемые и органы управления. Между этими элементами можно выстроить (и они существуют на самом деле) отношения политического контроля (см. схему 2). Направленность и сила политического контроля и будут служить критерием распределения политических систем на демократические и авторитарные.

Схема 2

Правящие составляют слой политической элиты, предназначенной для принятия и проверки осуществления политических решений, которые реализуются посредством органов управления. Управляемые в зависимости от их доступа к источникам политической информации, от степени их организованности, развития местного самоуправления и принятия мифов политической игры могут или не могут влиять на политический процесс. Отсюда, политическая система считается демократической, если управляемые контролируют тех, кто правит, налагают ограничения на поведение элиты, принимающей решения. Политическая система считается авторитарной, если наоборот правящие

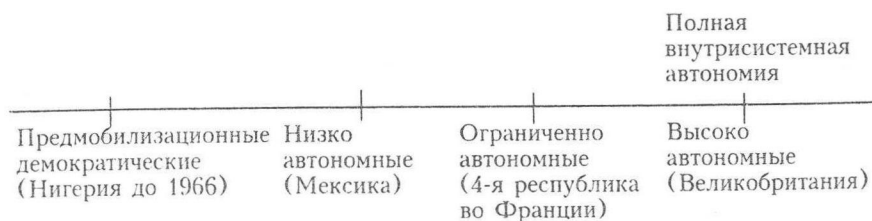
имеют преимущество в контроле над управляемыми и не ограничены ими в процессе принятия и реализации решений. Ясно, что подобная типология относится к теоретической и является идеально-типической.

Для распределения политических систем на группы уже внутри демократических и авторитарных систем понадобился еще один критерий, который можно было бы использовать в качестве переменной, т.е. измерять степень демократичности и авторитарности системы. В качестве такой переменной выступила *внутрисистемная автономия*. Концептуально внутрисистемная автономия означает степень, в которой организации и инструменты политического участия и контроля — преимущественно политические партии, группы интересов и пресса — развиты (степень организационного развития) и плюралистически дифференцированы (степень организационной независимости). В пределе демократические политические системы характеризуются полной внутрисистемной автономией, а авторитарные — отсутствием таковой. Используя критерий внутрисистемной автономии, можно выделить четыре типа демократических и четыре типа авторитарных систем (см. схему 3). Все политические системы располагаются на некотором континууме, точки которого выражают степень внутрисистемной автономии. Близость политических систем по уровню внутрисистемной автономии позволяет говорить о том или ином типе или классе систем. Названия классов систем определяются, исходя из уровня внутрисистемной автономии, хотя и не всегда в данной типологии этот принцип соблюдается.

Схема 3

Континуумы демократических и авторитарных систем*

Демократические системы

Авторитарные системы

* Источник: Almond G., Powell B., 1966. P. 308.

Представленная выше схема разрабатывалась для современных политических систем, существовавших вплоть до 60-х годов. Конкретные примеры стран отражают это время, хотя сама типология может быть применена и к более позднему периоду, т.е. 70–90-м годам XX столетия. Охарактеризуем содержание данных типов.

Демократические политические системы включают четыре группы. В «высоко автономных политических системах» политические партии, группы интересов и пресса являются относительно высоко развитыми и независимыми одни от других. Пример Великобритании здесь появляется не случайно. Политическая система этой страны, имеющей богатый опыт демократического правления, состояла и состоит из развитой системы политических партий (сегодня — основные политические партии: Консервативная партия, Лейбористская партия, Союз Социальной демократической и Либеральной партий, Социал-демократическая партия, «Зеленые» и др.), системы групп интересов (включает следующие группы: немногочисленные по составу членов постоянные ассоциации религиозных, спортивных, профессиональных и других интересов, которые включаются в политический процесс, если они считают, что правительство угрожает их интересам; постоянные группы интересов — типа Союза защиты сельской Англии, которые по преимуществу выставляют политические или морально-политические требования; временные группы интересов, организуемые на короткий срок для защиты своих интересов), средств массовой информации, организационно независимых от основных политических сил. При этом в Великобритании наблюдается высокая степень самостоятельности в деятельности политических организаций, групп давления и средств массовой информации.

Вторую группу демократических политических систем составляют «ограниченно автономные системы». В такой системе политические партии, группы интересов и средства информации существуют относительно независимо, и они являются развитыми. Но в политическом процессе наблюдается постоянное стремление к объединению, коалиционным действиям организаций и групп близкой идеологической ориентации; формируются так называемые «идеологические семьи»

консервативного, либерального, социалистического и т.п. направлений. Хотя Алмонд и Пауэлл в качестве примера приводят 4-ю республику во Франции, но и современные Франция (5-я республика с 1958 г.), Италия, Германия попадают в эту же категорию. Во Франции постоянно существуют правые (Союз за французскую демократию и Голлисты) и левые (Социалистическая партия и союзы с Коммунистической партией) коалиции партий, формирующие правительства; профессиональные союзы и другие группы интересов тяготеют к той или иной политической силе (например, Французская демократическая конфедерация труда поддерживает левые партии и тяготеет к ним идеологически, «Форс увриер» включен в правый спектр и т.д.), средства массовой информации не только идеологически, но иногда и организационно связаны с теми или иными партиями.

«Низко автономные демократии» характеризуются наличием отдельных партий и организаций, средств массовой информации, но здесь существует одна политическая сила (партия), которая доминирует в политическом процессе и победа которой в конкурентной борьбе с другими партиями предопределена ее силой. Данная политическая сила длительное время является правящей. Различные формы политической активности и организованности так или иначе выстраиваются в нечто напоминающее иерархию. Такие страны, как Мексика периода политического господства Институционально-революционной партии (30–80-е годы при наличии еще Социалистической народной партии, Партии национального действия и др.), Индия периода господства Индийского национального конгресса (40–80-е годы) относятся к подобным политическим системам.

«Предмобилизационные демократические» системы наблюдаются в развивающихся странах с сильными традиционными структурами, где демократические институты являются слабыми, формальными, а управление осуществляется внешне демократическими структурами без активного участия населения в политике и без механизмов его мобилизации. Слабость демократических институтов не позволяет осуществлять действительную демократическую конкуренцию за власть. Часто такие системы разрушаются, в них велика опасность военного переворота. В Нигерии, например, политические партии и организации стали формироваться задолго до получения этой страной независимости (Национальный совет нигерийских граждан — 1944 г., Группа действия — 1950 г., Северный народный конгресс — 1951 г.). Однако установленное гражданское правление после получения независимости в октябре 1960 г. просуществовало недолго и было заменено военным правлением в январе 1966 г. Причиной этого явилась неспособность гражданских элит справиться с непрекращающимися кризисами, постоянное соперничество и борьба за личное господство между лидерами партий. 24 мая 1966 г. декретом военного правительства была запрещена политическая деятельность около

80 организаций и партий. Запрет на политическую деятельность просуществовал до 1978 г.

Авторитарные политические системы так же распределены на четыре группы. Крайние две группы составляют тоталитарные режимы — радикально-тоталитарные и консервативно-тоталитарные. К ним отнесены политический режим, установленный в Советском Союзе при Сталине, и фашистский режим в Германии (1933–1945 гг.). Следует заметить, что понятие тоталитаризм имеет сильную идеологическую нагрузку и используется не всеми исследователями в качестве типологической характеристики политических систем. Особенно это касается определения политической системы в Советском Союзе в послесталинский период. Тем не менее, концепция тоталитаризма как политической системы с почти всеобщим политическим контролем над населением и почти полным отсутствием автономии организаций, групп интересов и средств массовой информации хорошо характеризует закрытое общество. Она стала разрабатываться в 50-е годы и наибольший вклад в нее внесли такие исследователи, как Ханна Арент, Збигнев Бжезинский, Карл Фридрих, Л. Шапиро, Раймон Арон, Карл Поппер. Сравнение различных концепций тоталитаризма можно найти в книге Поля Брукера (Brooker, 2000, 8–21). Воспользуемся характеристикой тоталитаризма, предложенной Бжезинским и Фридрихом (Friedrich, Brzezinski, 1956, 9), которая включает шесть основных черт:

1. *Идеология.* Тоталитаризм включает в себя в качестве основы тщательно разработанную идеологию, состоящую из доктрины управления всеми жизненными аспектами человеческого существования. Этой идеологии привержен каждый живущий в тоталитарном обществе, по крайней мере пассивно.

2. *Единая партия.* В тоталитарном обществе существует единственная массовая партия, обычно руководимая одним человеком — «диктатором», и состоящая из относительно небольшого процента населения (до 10%). Население предано идеологии партии, в значительной мере пассивно и бездумно, и готово различным способом участвовать в поддержке генеральной линии партии.

3. *Террористическая полиция.* Методом управления обществом, как правило, служит система террора, физического или психического, проводимого партией или секретной полицией.

4. *Монополия на коммуникацию.* В обществе существует технологически обусловленная, почти полная монополия контроля в руках партии и правительства за всеми действующими средствами коммуникации — пресса, радио, кино.

5. *Монополия на оружие.* Особенностью тоталитарной системы правления является также технологически обусловленная, почти полная монополия со стороны партии на использование силовых структур государства — армии, полиции. При этом эти структуры политизируются и используются в политических целях.

6. *Централизованно управляемая экономика.* Тоталитаризм не может обойтись без централизованного контроля за развитием внутренней экономики посредством бюрократической координации формально независимых корпоративных структур, включая также ассоциации и группы давления.

Остальные две группы авторитарных систем отличаются от тоталитарных следующим образом. «Предмобилизационные авторитарные» системы характеризуются наличием традиционных авторитарных структур управления (традиционные монархии в развивающихся странах) без механизма мобилизации населения на поддержку режима активным образом. Здесь действует традиционная или подданическая политическая культура со значительной степенью отчуждения населения от политики. Примером таких систем являются Саудовская Аравия, Марокко. Гана бала отнесена к подобному типу в связи с тем, что в 60-е годы в ней господствовала Народная партия конвента, в которую входило формально большинство взрослого населения страны и которая проводила идеологию «научного социализма». В 1966 г. в стране произошел военный переворот. В настоящее время Гана находится ближе к центру представленного континуума политических систем.

«Осовремененные авторитарные режимы» были характерной чертой всего состава политических систем 70-х годов. Они характеризовались отсутствием политического плюрализма, часто — военным правлением и активной мобилизацией населения на поддержку авторитарных режимов с помощью радикальной и националистической идеологии. Подобная система рассматривалась лидерами соответствующих стран как необходимая для решения задач выхода из экономического и политического кризиса. Типичным примером являлись такие страны, как Сирия, Иран, Бразилия после 1964 г., Чили после 1973 г. В Чили после военного свержения президента Альенде в сентябре 1973 г. был установлен военный режим под руководством генерала Пиночета, политика которого опиралась на доктрину «национальной безопасности», мобилизационный потенциал которой включал идеи нации, войны и биполярного мирового устройства.

7.4. Координатные типологии политических систем

Линейные биполярные типологии политических систем хотя и выполняли некоторые функции, свойственные типологиям, но обладали рядом недостатков, ограничивающих их применение в развитом сравнительном анализе. Дело в том, что жесткое разнесение политических систем по двум основным группам, не давало возможности для исследования смешанных по ряду признаков политических систем. Одномерные критерии, с другой стороны, обедняли содержательную сторону типа политических систем. Поэтому наряду с линейными ти-

пологиями стали появляться типологии, основанные на сопоставлении различных характерных черт политических систем. В зависимости от количества критериев, положенных в основание отбора типов, можно говорить о двухмерных и многомерных координатных типологиях.

В качестве примера приведем ряд двухмерных общих типологий политических систем и типологий демократических систем. В этом ряду известной типологией политических систем является типология Роберта Даля, положенная им в основание эмпирического исследования полиархий. Она довольно проста и служит хорошим инструментом для формулирования основных понятий и гипотез эмпирического сравнительного анализа. Типология политических систем Даля относится к априорным и концептуальным типологиям. Она излагается им в первой части его работы «Полиархия: Участие и оппозиция» (1971 г.).

Даль использует два основных критерия, с помощью которых он строит свои идеальные типы политических систем. Первый критерий имеет отношение к допустимой оппозиции или политической конкуренции. Второй критерий касается участия населения в процессе публичного соперничества за власть. Оба критерия берутся в качестве переменных и выражаются соответственно в степени допустимой оппозиции или политической конкуренции (здесь мы не будем говорить об операционализации этой переменной, т.е. о том, как в дальнейшем ведется счет, т.к. в данном случае это — второстепенный вопрос) и в пропорции населения, имеющего право участвовать в системе публичного соперничества. Акцент на измерении данных критериев необходимо сделать, так как в данном исследовании типы систем отбираются на основании простой шкалы наличия или отсутствия соответствующего качества, которые располагаются на соответствующих осях системы координат (см. схему 4).

Схема 4

Типология политических систем Даля*

Степень допустимой оппозиции или политической конкуренции	Полная	<i>Конкурирующие олигархии</i>	<i>Полиархии</i>
	Нет	<i>Закрытые гегемонии</i>	<i>Включающие гегемонии</i>
		Небольшая	Большая
		Пропорция населения, имеющего право участвовать в системе публичного соперничества	

* Источник: Dahl R., 1971. P. 7.

В соответствии с предложенными критериями и их измерением выделяются четыре типа политических систем. Если отсутствует оппозиция и политическая конкуренция или она близка к нулю, а пропорция населения, имеющего право участвовать в публичном соперничестве мала, то данная система названа «закрытой гегемонией». При маленькой конкуренции и большом участии населения можно говорить о политической системе, типа «включающей гегемонии». Большая степень оппозиционности и конкуренции в сочетании с маленькой пропорцией участия дает «конкурирующую олигархию». И наконец, наличие значительной степени политической конкуренции и оппозиционности и большой пропорции населения, имеющего право участвовать в публичном соперничестве, порождает политическую систему, названную «полиархией». То, что обычно называется демократической политической системой, соответствует понятию полиархии. Реальные политические системы по конкретным показателям политической конкуренции и участия при расположении их в данной системе координат будут тяготеть к той или иной идеально-типической группе, заняв в целом пространство в центральной части прямоугольника.

Иногда при построении типологий политических систем используют не только собственно политические критерии, но и показатели, касающиеся общества в целом. В качестве последних берутся показатели экономического развития, социально-экономического неравенства, социальной и культурной дифференциации. В качестве примера приведем типологию демократических систем Арнда Лейпхарта. Ранее говорилось о том, что зачастую типологический анализ служит общей концептуальной проработке исследования и при эмпирическом дополнении служит также проверке гипотез исследования. В данном случае Лейпхарт, анализируя условия стабильности политических демократий, находит, что большой процент стабильных демократий при наличии в них серьезных дифференцирующих население факторов имеет свое объяснение в поведении политических элит. Сегментированные или субкультурные расколы в общественной структуре могут компенсироваться стремлением политических элит к кооперации своей деятельности. Эта ситуация явно просматривается в таких странах, как Нидерланды, Бельгия, Австрия и Швейцария, где элиты работают сообща, чтобы понизить потенциально дестабилизирующую роль социальной дифференциации. В то же самое время элиты используют ценности субкультур для укрепления своего авторитета и, следовательно, для повышения вероятности того, что сделка между элитами будет принята населением.

На этой основе Лейпхарт и строит свою типологию демократических систем, используя два критерия: (1) структура общества — однородная или плюралистическая, (2) поведение элит — враждебное или коалиционное. В результате появляются четыре типа поли-

тических демократий, представленных соответствующими странами (см. табл. 2).

Таблица 2

Типология демократических систем Лейпхарта*

		Структура общества:	
		Однородная	Плюралистическая
Поведение элит:	Коалиционное	<i>Деполитизированные:</i> Австрия (1966 —)	Сообщественные: Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Австрия (1945 — 1966)
	Враждебное	<i>Центростремительные:</i> Финляндия, Дания, Норвегия, Великобритания, Швеция, США, З.Германия	Центрбежные: Франция, Италия, Канада

* Источник: Lijphart A., 1977. P. 106.

В системах с однородной социальной структурой и соответствующей однородной политической культурой демократии вероятно будут стабильными, независимо от типа поведения элит, хотя Лейпхарт видит возможность возникновения новых форм протеста в таких политических демократиях, в которых слишком много коалиций на всех уровнях общества (деполитизированные демократии). В системах с многообразными структурами и культурами культурные различия имеют двойную функцию. Они выступают источником потенциального раздора и даже разрушения системы, но они так же могли бы помочь в процессе стабилизации, если элиты различных субкультур выберут сотрудничество. Ключевым здесь является понятие общественной демократии, при которой элиты стремятся к сотрудничеству на основе ценностей всего общества и обязанности поддержать единство в стране, а также готовности сотрудничать с другими элитами на основе принципов доверия и компромисса. В центростремительной системе враждебное отношение элит не нарушает стабильности, так как существует относительная однородность ценностей на уровне общества. В центрбежной системе, наоборот, есть опасность нестабильности и беспорядка в связи с плюралистической системой ценностей на уровне общества и некооперативным поведением политических элит.

Лейпхарт использует и другие критерии для группировки демократических систем. Так, им строится эмпирическая типология демократий в зависимости от сочетания уровня однородности или неоднородности

родности общественной структуры. Для типологизации используются два критерия: (1) уровень религиозной и лингвистической однородности и неоднородности, (2) уровень закреплённости этой однородности и неоднородности в различных политических, социально-экономических, культурных, образовательных и иных организациях. По первому показателю система классифицируется как однородная, если 80% населения и более принадлежат к одной и той же религии (католичество, объединение различных ветвей протестантизма, иудаизм или перекрещивающаяся буддистско-синтоистская вера в Японии) или говорит на одном языке. Если этот показатель менее 80%, то система относится к группе неоднородных. Второй показатель фиксирует организационный плюрализм и включает три измерения: неплюралистическое, полуплюралистическое и плюралистическое общества. Распределение стран по группам в соответствии с этими критериями приведено в табл. 3.

Таблица 3

Степень плюрализма и религиозно-лингвистической однородности в 21 демократической стране *

	Неплюралистическое общество	Полуплюралистическое общество	Плюралистическое общество
Религиозно и лингвистически однородное	Великобритания Дания Исландия Ирландия Новая Зеландия Норвегия Швеция Япония	Финляндия Франция Италия	Австрия Израиль Люксембург
Религиозно и/или лингвистически неоднородное	Австралия	Канада Германия США	Бельгия Нидерланды Швейцария

* Источник: Lijphart A., 1984. P. 43.

Только три страны оказались лингвистически разделённые — Бельгия, Канада и Швейцария. Шесть религиозно разделённых стран оказались разными по составу религиозных групп: четыре страны (Канада, Западная Германия, Нидерланды и Швейцария) имели приблизительно равенство католического и протестантского населения, в двух странах (Австралия и США) имелось протестантское большинство. Две трети исследуемых стран оказались религиозно и лингвистически однородными. Большинство из них имели 80 и

немного более процентов однородного по этому показателю населения, и только Великобритания и Новая Зеландия — около 90. Среди религиозно и лингвистически однородных стран шесть могут рассматриваться как плюралистические или полуплюралистические. В четырёх странах, где наблюдается преобладание католического населения (Австрия, Люксембург, Франция и Италия), имеется значительное политическое различие между активными и пассивными католиками. Соответственно, этот раскол выражается в партийной структуре и идеологических ориентациях: наличие религиозных партий, противоречия между социалистическими и либеральными партиями, серьёзные расхождения между коммунистами и некоммунистами и т.д.

Шесть из семи неоднородных стран классифицируются как плюралистические или полуплюралистические. Лингвистические различия способствуют разделению общества на субструктуры с отдельными организациями. Девять стран относятся к неплюралистической группе. За исключением Ирландии и Японии, все они являются в основном протестантскими. В значительной мере уровень плюрализма определяется однородностью или неоднородностью страны, но также следует учитывать размер страны: больший плюрализм отмечается в странах с большим населением.

Мы рассмотрели координатные типологии политических систем, построенных на взаимодействии двух критериев. Примером координатной типологии с большим количеством переменных служит типология Жана Блонделя. Основанием разделения систем на группы служит здесь отношение трех переменных: политическая конкуренция, структура элиты и политическое участие населения. Первая переменная — политическая конкуренция — оценивается с точки зрения того, является ли она открытой (т.е. существуют легальные условия для оппозиции и для конкурентной борьбы оппозиции с властвующей элитой) или закрытой (т.е. оппозиция запрещена и борьба за государственную власть осуществляется скрытно внутри различных групп властвующей элиты, или смена руководства осуществляется без борьбы по принципу наследования). Вторая переменная — структура элиты — показывает есть ли субгруппы в структуре элит и каков уровень их автономии. В этом смысле различаются монолитные элиты и дифференцированные элиты. Третья переменная — политическое участие населения — характеризуется степенью включения населения в политическую жизнь. Население может быть включено в политическую жизнь посредством различных форм политического участия, и это является необходимостью для существования системы. Такая система называется инклюзивной (включающей). Население может не быть включено в политический процесс и данное положение рассматривается как нормальное или вынужденное. Такая система получила название эксклюзивной (исключающей). Соотношение этих переменных порождает шесть типов политических систем (см. схему 5): традиционные, эгалитарно-авторитарные, авторитарно-

бюрократические, авторитарно-неэгалитарные системы, конкурирующая олигархия, либеральная демократия. Каждый тип политической системы может быть охарактеризован еще иными сопутствующими характеристиками, проистекающими из основных дифференцирующих переменных. В названии некоторых типов присутствует дополнительная характеристика, касающаяся базовой политической идеологии режима (эгалитарная идеология, т.е. ориентированная на принцип равенства) или особенностей дифференциации элит (роль бюрократической элиты). Большое число переменных позволяет осуществить более полное описание существующих политических систем и режимов, но конечно, также не является исчерпывающей.

Схема 5

Типология политических систем Блонделя*

Режимы (системы)	Закрытые с монолитной элитой	Закрытые с дифференцированной элитой	Открытые
Исключающие	<i>Традиционный</i>	<i>Авторитарно-бюрократический</i>	<i>Конкурирующая олигархия</i>
Включающие	<i>Эгалитарно-авторитарный</i>	<i>Авторитарно-неэгалитарный</i>	<i>Либеральная демократия</i>

* Источник: Blondel, 1990.

В качестве примеров политических систем соответствующих типов можно назвать современные и исторические системы. Традиционные системы характерны для стран с монархическими режимами, где правит закрытая монолитная элита и население исключено из политического процесса. В XX в. монархии в странах так называемого «третьего мира» могут быть отнесены к подобным системам. На сегодняшний день из них осталось лишь 12, однако не все оставшиеся монархические режимы являются традиционными. Безраздельная власть монархов осталась лишь в шести странах — Бахрейне, Брунее, Омане, Катаре, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, а в Свазиленде существует «парламент», избираемый частично племенными советами и частично назначаемый королем. Авторитарно-бюрократические системы могут быть представлены военными режимами стран Латинской Америки периода 70–80-х годов (Чили, Аргентина, Уругвай), где в результате переворотов были установлены прямые или косвенные военные режимы с резким ограничением политического участия населения и повышением роли бюрократического аппарата государства. В прошлом многие страны прошли этап своего развития, когда открытая конкуренция политических элит предшествовала политическому участию населения, т.е. система кон-

курирующей олигархии была довольно распространенным явлением. Сегодня она существует в тех странах, где на результаты борьбы за власть между различными группами элит население фактически не оказывает влияния. Так, например, в Тонга и Западном Самоа партии отсутствуют, а органы законодательной власти фактически формируются различными знатными кланами. Эгалитарно-авторитарные режимы можно проиллюстрировать странами бывшей мировой системы социализма, где существовала относительно монолитная элита, население мобилизовывалось на поддержку режиму посредством определенных массовых форм политического участия и господствовала идея социального равенства. В настоящее время к таким системам можно отнести Китай, Северную Корею, Кубу. Что касается авторитарно-неэгалитарных систем, то они существовали в странах, где были установлены фашистские режимы (Германия, Испания, Италия). Наконец, либеральные демократии существуют в современных европейских странах — Великобритания, Швеция, Франция и т.д., в США и Канаде, Австралии, Японии, Новой Зеландии. Отметим, что общим недостатком представленной типологии политических систем является то, что она относительно хорошо описывает традиционные и авторитарные системы, но слабо «работает» на дифференциацию демократических систем и режимов. Фактически все демократии попадают в одну группу. К тому же она не учитывает динамический аспект, т.е. фактически не говорит о переходных и смешанных режимах.

7.5. Типологии переходных политических систем

Проблема переходных политических систем и их типологизация наиболее широко впервые была поставлена в связи с политической модернизацией, т.е. концепцией, описывающей переход от традиционных политических систем к современным. Под последними, как правило, понимались демократические либеральные системы и режимы. Начиная с середины 80-х годов акцент в исследовании переходных режимов смещается в сторону изучения процессов демократизации, связанных с третьей волной демократии. Хотя иногда и последние процессы описываются в терминах концепции модернизации, тем не менее существует явное различие между политической модернизацией и переходом от авторитарных (тоталитарных) систем к демократическим в последние два десятилетия. Оно связано прежде всего с тем, что большинство стран, осуществляющих переход, явно не попадало под категорию традиционных стран с низким уровнем индустриального развития, архаической социальной структурой, неграмотностью населения и т.д. В целом существует две концепции: *политической модернизации*, описывающей процесс перехода от традиционных структур к современным политическим, и *демократизации*, описывающей проблемы третьей волны демократизации. Поэтому,

следует различать типологии переходных систем в концепции политической модернизации и типологии переходных систем в концепции демократизации. В данной главе мы обратим внимание на типологии переходных политических систем и процессов, связанных с концепцией демократизации.

Трудности с определением типологии переходных политических систем очевидны. Во-первых, ясно, что переходные политические системы находятся в развитии. Отсюда, сложно однозначно интерпретировать содержание их признаков. Обычно говорят о смешанных системах и режимах, следовательно о наличии в них черт авторитарных и демократических систем. Во-вторых, так как большее значение здесь придается процессуальным характеристикам, а не устойчивым системным, то часто типологизируют не системы, а политические переходные процессы. В этой связи особое внимание уделяется различным видам разрыва со старой авторитарной системой. В-третьих, между различными регионами мира, где осуществляются процессы демократизации, существуют социально-экономические и культурные различия, а потому сложно выбрать единые критерии типологизации. Хотя общие типологии существуют, но часто исследователи более склонны выбирать для анализа группы стран, в определенной степени близкие по ряду показателей, т.е. регионально сравнимые.

Обычно типологии переходных процессов выполняют как функцию описания динамики развития соответствующей группы стран, так и функцию объяснения условий наиболее благоприятных или неблагоприятных для консолидации демократии. Две основные темы при этом освещаются: (1) с чего начинается процесс перехода, каковы условия, определяющие необходимость коренных преобразований; (2) в какой форме осуществляются преобразования, а следовательно, как ведут себя политические элиты в процессе перехода от авторитарного к демократическому режиму.

Ответ на вопросы первой темы привел исследователей к такой типологии переходов, которая в основание группировки кладет понятие «кризис». Особенности переходов определяются тем, находилась ли страна, ее экономика в кризисе в начале перехода или нет. Соответственно выделяют два типа переходов: кризисные переходы и некризисные переходы (см. схему 6). При всей простоте такой постановки вопроса, она позволяет акцентировать внимание на многих важных составляющих переходных процессов и, главное, позволяет объяснить многое в поведении старой политической элиты и ее взаимоотношении с нарождающейся демократической оппозицией. В принципе любой переход здесь выражает кризис системы. Выделяется три типа кризиса, взаимосвязь между которыми может и не наблюдаться: кризис легитимации авторитарного режима, кризис экономического развития, политический кризис. Так вот в представленной типологии речь идет прежде всего об экономическом кризисе.

Политическая экономия демократических переходов*

	Кризисные переходы	Некризисные переходы
Политический вызов авторитарному правлению	Политические требования пересекаются с: — Дезертирством бизнес-элиты — Экономически мотивированным массовым протестом — Расколом внутри правительства относительно распределения ресурсов	— Преимущественно политические требования либерализации
Процесс конституционной реформы	— Сильное влияние оппозиции	— Принимается авторитарными силами как обязанность
Полномочия избранных официальных лиц	— Сокращение авторитарной территории — Понижение прерогатив военных	— Значительные авторитарные территории — Существенные прерогативы военных
Барьеры перед началом политического перехода	— Некоторые ограничения на участие — Необязательный избиратель и законы о регистрации партий	— Продолжающиеся ограничения некоторых политических групп — Сдержанный избиратель и ограничительные законы о регистрации партий
Политические расколы и расстановки	— Слабые сохраняющиеся партии — Фрагментированные и/или поляризованные партийные системы	— Сильные сохраняющиеся партии — Центристские партийные системы

* Источник: Haggard St., Kaufman R., 1997. P. 269.

Эмпирическая проверка этих типов переходов проводилась на основе сравнения десяти стран, осуществивших переход от военного правления. В шести странах — Аргентина (1983), Боливия (1980), Бразилия (1985), Перу (1980), Уругвай (1985) и Филиппины (1986) — наблюдались кризисные переходы. В Аргентине, Боливии, Уругвае и на Филиппинах режим менялся во время глубокого экономического спада; латиноамериканские страны также страдали от высокой инфляции. Хотя бразильский и перуанский опыт переходов проходил вначале при коротком экономическом всплеске, обе страны ранее испытали ряд экономических потрясений.

Некризисные переходы были в таких странах, как Чили (1990), Корея (1986), Таиланд (1983) и Турция (1983). Авторитарные правительства здесь сталкивались с серьезным внешним и внутренним политическим давлением. Однако, что касается экономики, то в этих странах отмечался значительный экономический рост и относительная макроэкономическая стабильность.

Другой пример типологии переходов включает опыт латиноамериканских и восточно-европейских государств (см. схему 7). В качестве критериев в данном исследовании брались характеристики политических элит. Акцент на элитах был сделан не случайно: одной из центральных в концепции демократизации является идея о зависимости перехода не столько от объективных условий, сколько от деятельности элит и их выбора.

Типологическая схема фиксирует шесть возможных форм перехода от авторитарного правления к демократии: революция сверху, революция снизу, социальная революция, консервативная реформа, реформа посредством разрыва, реформа через выпутывание, реформа через компромиссы. Они выделяются при сопоставлении двух критериев: (1) какая группа элит осуществляет переход — старая элита или новая контр-элита, (2) какую стратегию перехода выбирает элита — конфронтацию или приспособление. Измерение предполагает также смешанные формы элит и стратегий. На схеме показаны страны, в которых с наибольшей силой проявился тот или иной тип перехода.

Схема 7

Типы перехода: Некоторый опыт Южной Америки и Восточной Европы*

Стратегия агентов перемен	Идентификация агентов перемен		
	Старые реформаторские элиты	Старые реформаторские и контр-элиты	Контр-элиты
Конфронтация	Революция сверху <i>Болгария</i>	Реформы через разрыв <i>Чехословакия</i> <i>Аргентина</i>	Социальная революция
Объединение конфронтации и приспособления		Реформы через выпутывание <i>Венгрия</i>	
Приспособление	Консервативная реформа	Реформа через компромиссы <i>Польша</i> <i>Бразилия</i>	Реформа снизу <i>Чили</i>

* Источник: Munk G., Leff C., 1997. P. 346.

Приведем некоторые примеры. В Болгарии переход проходил в форме революции сверху, когда правящей ранее Болгарской коммунистической партии, переименованной в Социалистическую партию, удалось в июне 1990 г. выиграть парламентские выборы, организованные по мажоритарной системе, которая создает благоприятные условия для победы хорошо организованной партии, каковой не являлся оппозиционный к правящей партии Союз демократических сил. Польша и Бразилия показали, что возможен переход через компромиссы с участием старых и новых элит при выборе ими стратегии скорее приспособления, чем конфронтации. Польские коммунисты (Польская объединенная рабочая партия) после запрета в декабре 1981 г. оппозиционной «Солидарности» вынуждены были в августе 1988 г. выдвинуть идею проведения «круглого стола», на заседании которого можно было бы договориться с оппозиционными силами о проведении политической реформы. «Солидарность» во главе с Лехом Валенсой так же приняла это компромиссное решение. В апреле 1989 г. подобное заседание оппозиционных и правящих политических сил состоялось и на нем было принято решение о проведении государственной реформы (создание второй палаты парламента — сената, введение института президентства, легализация деятельности оппозиционных сил) и выборов в парламент на основе квот представительства от правящих партий (65%) и оппозиции (35%). Выборы в июне 1989 г. проходили на основе договоренностей, но показали, что «Солидарность» обладает большей поддержкой в обществе, чем ПОРП. В частности, Сенат оказалась полностью под контролем «Солидарности», а бывшие партнеры ПОРП — Демократическая партия и Объединенная крестьянская партия, шедшие вместе с польскими коммунистами на выборах в Сейм (нижняя палата парламента), после выборов вошли в коалицию с «Солидарностью». В результате выборов было сформировано смешанное правительство во главе с представителем «Солидарности» Тадеушем Мазовецким. В январе 1990 г. несмотря на попытки сохранить ПОРП, преобразовав ее в новую партию — Социал-демократию Республики Польши, она фактически распалась на ряд организаций. Новые парламентские выборы в октябре 1991 г. были по-настоящему первыми конкурентными выборами, которые и завершили переход. Начало перехода в Бразилии можно датировать выборами в парламент в 1982 г., когда оппозиционные силы (Партия бразильского демократического движения) и военный режим не пошли на конфронтацию, а использовали тактику взаимных компромиссов. Оппозиция поставила режим перед выбором: применить репрессии для остановки либерализации или позволить демократизацию. Правящая элита выбрала второй путь, но сконцентрировалась на том, чтобы использовать свою еще значительную власть для навязывания выгодных для себя компромиссов. В частности, когда в 1984 г. оппозиция вела активную кампанию за проведение прямых и всеобщих выборов президента, правящая элита навязала решение о непрямых выборах. На выборах президента в 1985 г. победу одержал кандидат оппозиции Хосе Сарней, но еще

вплоть до парламентских выборов в октябре 1990 г. шла компромиссная борьба между новыми и старыми элитами за правила политической игры.

В процессе осуществления перехода от авторитарной политической системы к демократической устанавливаются, как правило, временные правительства, которые выражают смешанный характер перехода и неустойчивость политической системы. Естественно, что их конфигурация зависит от особенностей форм перехода. Хуан Линц выделяет четыре типа переходных правительств, учитывая соотношение правящих и оппозиционных сил, а также влияние международного фактора: (1) революционные временные правительства, которые вырастают вследствие внутренних революций или государственных переворотов; (2) правительства, в которых авторитарные элиты и их демократические оппоненты разделяют власть в ожидании новых выборов; (3) правительство, временно руководящее страной до новых выборов, при котором уходящая элита собирается передать власть демократически избранному правительству; (4) временные национальные правительства, установленные международным сообществом, которое осуществляет наблюдение за ходом демократических перемен. История демократических переходов в отдельной стране может включать различные типы правительств. В качестве примеров отметим, что первый тип правительства наблюдался в Румынии, после свержения режима Чаушеску в декабре 1989 г. Компромиссное правительство второго типа уже отмечалось нами в Польше — правительство Мазовецкого, сформированное в результате выборов 1989 г. Третий тип правительства с ограниченными полномочиями существовал в 1983 г. в Аргентине, когда после поражения в войне с Великобританией за Фолклендские (Мальвинские) острова было сформировано правительство Антонио Биньоне, начавшее подготовку к выборам и переходу к гражданскому правлению. Правительство, находящееся под международным контролем, можно было наблюдать в Намибии, Камбодже.

* * *

Рассмотренные в этой главе типологии политических систем и режимов позволяют получить общее представление о многообразии качеств и форм политической жизни в различных странах. Естественно, что данными типологиями не ограничивается весь спектр сравнительной политики. Можно говорить так же о том, что прогноз увеличения количества государств в мире, отчасти подтверждаемый сегодня мировым всплеском национализма, заставляет задуматься о дальнейшей применимости некоторых типологий. Развитие сравнительных исследований несомненно приведет к различным модификациям старых типологических схем и созданию новых их моделей.

8. УСЛОВИЯ ДЕМОКРАТИИ

Тема обусловленности демократии разнообразными факторами внешней по отношению к ней среды появилась в сравнительной политологии во второй половине 50-х годов, а затем органично вошла в теорию модернизации в 60-е и последующие годы. Несмотря на критику теории модернизации сегодня за ее западоцентризм при рассмотрении процесса становления современной демократической системы и акцент на рационализации как основном процессе консолидации демократии (Ruttan, 1991; Bartlet, 1996), проблема условий демократии не потеряла своего значения и привлекает внимание многих исследователей. Один из главных инициаторов разработки этой проблематики Сеймур Липсет, статья которого в 1959 г. определила многие исследовательские направления, уже в 1993 г. писал о возрождении и развитии проблематики условий демократии в связи с новыми процессами в политическом мире в 80–90-е годы (Lipset, 1959, 1994). Признанию значимости изучения факторов демократии и демократизации в сравнительной политологии служат работа, изданная в честь Липсета в 1992 г. (Marks, Diamond, 1992), и многие другие публикации (Rueschmeyer, Stephens and Stephens, 1992; Burkhart, Lewis-Beck, 1994; Ades, 1995; Haggard, Kaufman, 1995; Muller, 1995; Hughes, 1997 и др.).

8.1. Концепция условий демократизации Липсета

Особенностью исследований обусловленности демократии является их нацеленность на подтверждение общих теоретических гипотез о детерминации демократии уровнем экономического развития, социально-структурными параметрами, уровнем образования и культуры, международными факторами, религиозной дифференциацией или гомогенизацией населения и другими условиями. При этом эмпирический анализ связи включает в себя как количественный, так и качественный аспекты. Прежде чем излагать современное состояние в области изучения условий демократии, обратим внимание на уже упомянутую статью Липсета 1959 г. Она интересна для нас по многим соображениям.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СИСТЕМЫ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
КУЛЬТУРЫ
ВОСТОКА**

Часть 2.

Южная, Юго-Восточная и Восточная Азия

Южная и Юго-Восточная Азия

Политическая система и политическая культура Индии (Л. Б. Алаев).....	395
Проблемы становления политической демократии в Индии (А. Г. Володин).....	414
Политическая система и политическая культура мусульманских стран Южной Азии (В. Я. Белокреницкий).....	432
Политические системы и политические культуры стран Юго-Восточной Азии: Малайзия, Индонезия, Сингапур (Л. М. Ефимова).....	454

Восточная Азия

Эволюция политических институтов Китая во второй половине XX и начале XXI вв. (Л. М. Гудошников).....	472
Эволюция китайского права в XX и начале XXI вв. как отражение политико-правовой специфики Китая (Л. М. Гудошников).....	500
Политическая система Японии: факторы и перспективы развития (Э. В. Молодякова).....	531
Современная система государственного управления Японии (Д. В. Стрельцов).....	550
Политические системы государств Корейского полуострова (РК и КНДР) (В. И. Денисов).....	571
Эволюция политической системы и политической культуры Монголии. (С. Г. Лузянин).....	599

Приложения

Программа учебного курса «Политические системы и политические культуры стран Востока» (36 ч.) (А. Д. Воскресенский, М. А. Сапронова и др.).....	617
Программа учебного курса «Политические системы и политические культуры стран Востока» (72 ч.) (А. Д. Воскресенский, М. А. Сапронова и др.).....	641
Методические рекомендации по подготовке аналитической справки по курсу «Политические системы и политические культуры стран Востока» (М. А. Сапронова).....	676
Дополнительная литература для самостоятельной углубленной подготовки по курсу «Политические системы и политические культуры Востока» (А. Д. Воскресенский).....	682

Об авторах	686
------------------	-----

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ, ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ВОСТОКЕ КАК ЧАСТЬ ДИСКУРСА МИРОВОГО КОМПЛЕКСНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СПЕЦИФИКА ИХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Для стран Востока политический вектор модернизации связан с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, сохранением культурной самобытности и самоидентификацией. Конкретным историческим развитием, цивилизационными особенностями, спецификой политической культуры определяется специфика их политических систем. Без изучения специфики политических процессов, политических систем и политической культуры невозможно составить адекватное представление о характере и сущности конкретной политической жизни стран Азии и Африки. Понимание специфики политической культуры восточных обществ создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений с государствами Востока, т. е. предложенный в настоящей книге материал имеет не только теоретический, но и прикладной характер.

Читатель настоящей книги получит возможность сравнить пути формирования и эволюции политических систем в странах Азии и Африки, понять взаимодействие и борьбу различных политических сил, выступающих с позиций традиционализма и модернизма, оценить степень зрелости гражданского общества, элементов демократической политической системы в странах Азии и Африки. В задачу книги также входит дать комплексное представление о традиционной основе и специфике политической культуры современных государств Азии и Африки, которая обусловлена цивилизационными особенностями их общественно-политического развития, являет собой переплетение восточных и западных элементов и проявляется во всех компонентах политической системы стран Востока – структуре высших органов государственной власти, деятельности политических партий и общественных организаций, конституционном развитии, политическом мышлении правящих элит и масс.

приложении дан набор программ и методических рекомендаций по использованию книги в качестве учебника для студентов и магистрантов, обучающихся по специальностям и направлениям «регионоведение», «международные отношения», «политология».

Данной работой кафедра Востоковедения, на которой и была подготовлена эта книга, продолжает курс на создание научной литературы нового поколения в области мирового комплексного регионоведения, которая идет в оборот учебного процесса дискуссионные материалы исследовательского характера¹. Книга в этой связи может использоваться двояким образом – как часть учебно-методического комплекса при обучении по курсу «Политические системы и политические культуры мира» и «Политические системы и политические культуры Востока» (вместе с приложениями, программами, списками вопросов и литературы) в рамках мирового комплексного регионоведения (а также и как часть проблематики общих политологических курсов, которые учитывают специфику незападных обществ) одновременно как интеллектуальный материал для «продвинутого» чтения, ориентированный на широкий круг просвещенных читателей, интересующихся политическими проблемами и современным Востоком.

Адекватная адаптация мирового востоковедного опыта и обогащение его отечественными исследовательскими наработками непосредственным образом связана с методологическими дебатами в востоковедении, которые сегодня на наших глазах превращаются в отрасль мирового комплексного регионоведения – комплексной, интегральной социально-экономической дисциплины, изучающей закономерности процесса формирования функционирования социально-экономической системы регионов мира (т. е. Востока и регионов Востока как части системы регионов мира) с учетом исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений.

Однако прежде, чем перейти к конкретному анализу политических систем стран Востока во всей его сложности и многоплановости, необходимо определить методологические позиции авторского коллектива, которые структурируют логику построения настоящей книги. В этой связи нам предстоит определить свое отношение к следующим вопросам:

Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., РОССПЭН, 2002; Китай в мировой политике. М., РОССПЭН, 2001; Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий. М., РОССПЭН, 2004; Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействия. М., МГИМО, 2005.

- каким образом пространственно («спатильно») группировать материал при его анализе и изложении в рамках мирового комплексного регионоведения;
- каковы методологические подходы к общественным явлениям и как соотносится системный анализ политических процессов с компаративистским;
- как определять сравнительный метод вообще, а также в широком и узком смысле, в частности;
- как в этой связи определить соотношение общих и специфических (региональных/страновых) закономерностей в рамках системно-сравнительного подхода;
- как конкретно сформулировать специфику обществ незападного и восточного типов (как части незападного типа);
- каким образом практически дать понимание механизмов функционирования политических систем восточных обществ и, соответственно, построить учебный процесс по этой проблематике как части мирового комплексного регионоведения.

Проблема пространственной («спатильной») подачи материала в рамках мирового комплексного регионоведения

Предлагаемое в книге пространственное («спатильное») членение материала исходит из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития восточных стран, т. е. из определения международно-политического региона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для выделения) региональной совокупности явлений жизни, объединенных общей структурой и логикой, таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными. Такое определение региона как базового понятия мирового комплексного регионоведения позволяет расположить материал в определенной пространственной («спатильной») системе координат².

² Подробную аргументацию см., в частности: Воскресенский А. Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений. В кн.: Современные международные отношения и мировая политика. Отв. ред. Торкунов А. В. М., Просвещение, 2004, с. 494–500; Воскресенский А. Д. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений. В кн.: Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., РОССПЭН, 2002, с. 3–14; Воскресенский А. Д. Ре-

Если исходить главным образом из географических параметров, то можно выделить географические макрорегионы – Азию, Африку, Америку, Европу, Австралию и Океанию; мезорегионы (средние регионы): Центральную, Северную, Южную Америку, Европу, Австралию и Океанию, северо-Восточную, Юго-Восточную, Южную, Западную и Центральную Азию, Северную (арабскую) Африку и Африку южнее Сахары, а также – регионы (субрегионы) с подразделением Америки на Центральную, Северную и Южную, Европы на Северную, Восточную, Западную, Центральную и Южную, а Западную, точнее, Юго-Западную Азию – на Ближний и Средний Восток. Однако понятие «Ближний и Средний Восток» шире, чем Юго-Западная Азия, так как в него включают не только двенадцать государств последней, но также Египет и Судан.

Исходя из историко-культурных параметров, можно выделять историко-культурные регионы: китайский, корейский, вьетнамский (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), индийский (Индия, Непал, Бутан, Шри-Ланка), индо-иранский (Пакистан, Афганистан, Иран, Таджикистан), тюркский, арабский, российский (Россия, Украина, Беларусь или, в другой интерпретации, двенадцать стран СНГ), европейский (состоящий из тринадцати стран). Североамериканский, латиноамериканский, африканский регионы объединяются в соответствующие региональные общности по таким параметрам, как геополитическая традиция (принадлежность к единому государственному образованию), современная тенденция к интеграции (межгосударственному взаимодействию), этнолингвистическое, этнокультурное или этнопсихологическое единство. С культурно-религиозным макрорегионам обычно относят: конфуцианско-буддийский, индуистский, мусульманский, православный, западно-христианский, латиноамериканский, африканский, тихоокеанский.

Иногда исследователи делят Азию на Южную, Юго-Восточную и Восточную (таким образом исключая из нее Океанию и Австралию), Ближний и Средний Восток и государства Центральной Азии. При этом некоторые исследователи считают, что Афганистан принадлежит скорее региону Ближнего и Среднего Востока, чем Южной Азии, в которую объединяют семь государств Южноазиатской Ассоциации регионального сотрудничества (SAARC). В соответствии с той же логикой сочетания исторических и геоэкономических параметров десять стран Юго-Восточной Азии (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянмар (Бирма), Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам) образуют ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Другие считают, что логика поли-

тического развития позволяет отнести страны Центральной Азии скорее к Ближневосточному региону, чем к какому-либо другому, а при характеристике политического развития Монголии, относящейся географически к Центральной Азии, с точки зрения цивилизационной специфики целесообразнее рассматривать ее вместе с государствами Восточной Азии.

Соответственно всем этим рассуждениям, по-видимому, сегодня с той или иной степенью определенности можно говорить о панамериканской (межамериканской), европейской, африканской, азиатской региональных подсистемах международно-политических отношений и соответствующих этим подсистемам международно-политических макрорегионах, а также и о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах (международно-политических регионах) – западноевропейской (как части европейской), североамериканской и южноамериканской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской), Ближнем Востоке, Среднем Востоке, Восточной Азии, Южной Азии, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (как частях азиатской [под]системы международных отношений), в которых Ближний и Средний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия группируются в субрегиональные подсистемы.

Ясно, что отдельные страны могут входить в соответствии с различными параметрами не в один, а в два или даже три перекрещивающихся региональных кластера. Кроме того, часто выделяются и другие культурно-географические агломерации государств, которые могут строиться по принципу экономической кооперации и совместной системы безопасности и/или «скрепляться» историческими конфликтами, спорными проблемами, традиционной враждой, т. е. возможно и правомерно деление мира на геоэкономические и геополитические регионы, к тому же и некоторые «исторические» регионы в последнее время приобретают довольно четко выраженные «геоэкономические» черты³. Эти «перекрещивающиеся» принципы «цивилизационно-пространственного» членения, позволяющие вычленять «базовые» или «структурообразующие» регионы, и послужили основой выделения соответствующих наиболее важных международно-политических регионов, в соответствии с которыми материал сгруппирован в разделы в настоящей книге, и группировки стран внутри разделов. В рамках границ этих регионов имеет смысл проводить параллели и строить различного рода сравнения и сопоставления. Такие сопоставления могут послужить основой и для более широких кросс-региональных сравнительных моделей универсального характера.

региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы). В кн.: Восток-Запад-Россия. М., Прогресс-Традиция, 2004, с. 141–144.

³ Белокреницкий В. Я. Восток через призму мировых демографических процессов. Восток, 1999, № 5.

Кроме «цивилизационно-пространственной» («спатальной»), существует и возможность «содержательной» («аналитической») группировки их. Она так же, в принципе, конвенциональна и субъективна, как и использованная нами «спатальная». Однако «аналитическая модель» при этом позволяет акцентировать внимание на общности исторического/цивилизационного/политического развития стран региона, т. е. не позволяет в полной мере осмысливать цивилизационную общность и одновременно специфику исторических процессов конкретных стран в рамках региона. Кроме того, всей своей «аналитической» красотой такая типология, на наш взгляд, хотя применима при практической подготовке регионального/странового диалогиста, так как позволяет хорошо ориентироваться в общих закономерностях, к примеру, политических систем государств кочевого типа, но при этом в реальной жизни государства такого типа (скажем, Монголия и некое государство Аравийского полуострова) отстоят друг от друга настолько эко-географически, лингвистически и цивилизационно, что полученные «знания» не могут быть применены в реальной жизни, а значит, их историческая значимость может быть поставлена под сомнение. «Спатальный» принцип подачи «содержательного» материала позволяет проследить национальную динамику политического развития, «судьбу» местных и «импортированных» политических институтов, появление возможных «политических разломов» и политических конфликтов в регионах, имеющих общие цивилизационные (исторические) корни и сходные принципы формирования культуры политической культуры.

Подход к обществу и политике как к системе и «аналитические» классификации политических систем

Для того, чтобы подвергнуть явление системному анализу, необходимо разделить его на систему (т. е. множество закономерно связанных друг с другом элементов, которые складываются в целостное, но не сводимое просто к набору составных элементов образование) и среду (т. е. то, что окружает данную систему). Таким образом, основными свойствами любой системы являются: взаимосвязь среды и системы (внешняя характеристика системы), определяющая ее внутренние свойства (внутренние характеристики); целостность – т. е. внутреннее единство, принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов; гомеостаз, т. е. соблюдение некоего динамического равновесия, гарантирующего поддержание параметров в определенном диапазоне; информативность, т. е. методы воплощения информационной функции сигналов и способов кодировки, передаваемых системой сообщений (семантика и семиотика системы). Еще одним важным свойством

системы является ее безопасность. Понятие безопасности имеет две стороны – внешнюю, т. е. определяющую воздействие объекта на среду, и внутреннюю – т. е. характеризующую свойства сопротивляемости объекта по отношению к действиям среды. Таким образом, внешняя безопасность – это способность системы взаимодействовать со средой таким образом, чтобы не происходили необратимые изменения или нарушения важнейших параметров, характеризующих допустимое состояние среды. Внутренняя безопасность – характеристика целостности системы, т. е. способность системы поддерживать свое нормальное функционирование в условиях внешних и внутренних воздействий. Из этого следует, что задачей безопасности является определение угрозы распада системы с целью своевременного принятия мер по недопущению этого процесса⁴.

Системный подход становится достоянием политической науки с середины 50-х гг. XX в. Очевидно также, что многие из положений политической науки, которые относятся к системному подходу, были разработаны и раньше. Однако особенно широкое распространение системные идеи получили после выхода работ классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в которых политическая система рассматривалась в виде определенной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов» в соответствии с базовыми идеями кибернетики⁵. Соответственно, Т. Парсонс и Д. Истон стремились создать комплексную теорию социального действия, где политическая система, представленная в виде «черного ящика», внутреннее устройство которого было не так важно, развивалась по определенным правилам, а все остальное являлось политической средой, с которой взаимодействовала политическая система.

Одновременно исследователи определили, что общественные (и политические, как их составная часть) науки имеют свою специфику – прежде всего по своему характеру они исследуют политические, т. е. часть социальных отношений, а значит это в целом – социальные системы. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен, по аналогии с анализом моделей механических систем. Эти системы, как правило, принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т. е. в таких системах часто сложно провести четкую границу, а соответственно и подвергнуть анализу систему в отрыве от

⁴ Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход. М., Экономика, 1999; Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов. М., Логос, 2001.

⁵ Парсонс Т. Система современных обществ. М., Аспект-пресс, 1997; Истон Д. Категории системного анализа политики. В кн.: Антология политической мысли. Т. 2. М., 1997.

еды, и наоборот. Пространственные границы таких систем носят вполне логичный характер. Они представляют собой не просто некоторые аналитические объекты, а конкретные связи между реально существующими социальными (и политическими) общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системной организации. Еще одна особенность политической системы отношений и составляющих ее частей связана с тем, что основные элементы представлены социальными (политическими) общностями (включая отдельные индивиды), т. е. они являются социальными структурами особого типа со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов.

Уже Д. Истон модифицировал модель Т. Парсонса таким образом, чтобы показать, как политическая система (т. е. совокупность общественных отношений по поводу политической власти) при помощи регулирующих механизмов вырабатывает ответные реакции на поступающие от среды импульсы. Это понимание вскоре было дополнено Г. Алмондом, который ввел понятие «культуры», от которой зависит содержание формальных и неформальных взаимодействий, вырабатывающих политическую культуру⁶. Именно политическая культура (т. е. взгляды и позиции людей и их групп относительно политической системы)⁷, по Алмонду, и является интегрирующим началом общества. С этой точки зрения и политический процесс можно определять в «макро» и «микро» значениях: с точки зрения макроанализа – как динамическую характеристику всей политической системы в целом, с точки зрения микроанализа – как совокупность политических микропроцессов⁸.

Впоследствии, эти идеи позволили предложить несколько классификаций политических систем, которые можно разделить на классификации по типу основных типов – эволюционные и морфологические⁹ (т. е. основан-

Almond G. Developmental Approach to Political Systems. World Politics, V. XVII, Issue 2 (Jan. 1965)

Логика теоретических подходов к политической культуре можно легко понять, сравнив западные базовые политологические учебники и литературу для «продвинутого» читателя. См., к примеру, Michael G. Roskin, Robert L. Cord, James A. Medeiros, Walter S. Jones. Political Science. An Introduction. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1988 (Ch. 7. Political Culture) and Ronald H. Chilcote. Theories of Comparative Politics. The Search of a Paradigm Reconsidered. Boulder: Westview Press, 1994 (Ch. 6. Theories of Political Culture). Последняя работа есть в переводе на русский. См. ниже.

Подробнее см., к примеру, Дегтярев А. А. Основы политической теории. М., Высшая школа, 1998, с. 147–148.

Принципы эволюционной морфологии политических систем рассмотрены, в частности, М. В. Ильиным в его работе «Глобализация политики и эволюция политических систем» в разделе «Геохронополитика и принципы эволюционной морфологии политических систем», см. «Политическая наука в России» /

ные на анализе строения политических систем), которые в свою очередь распадаются на линейные, бинарные и координатные¹⁰. Скажем, по формам правления можно выделить авторитарно-тоталитарные и демократические политические системы, или авторитарный, плюралистический и тоталитарный типы политических систем; по типу политической культуры (классификация Г. Алмонда) – англо-американскую, европейско-континентальную, доиндустриальную и частично индустриальную, а также тоталитарную политическую системы; народные племенные, бюрократические авторитарные, согласительные (конкурентные олигархии и плюралистические демократии), мобилизационные (популистская и элитистская) политические системы (классификация Ч. Эндрейна) и т. д.¹¹

Классификация Дж. и Я. Дербишайров учитывает все богатство способов правления, типов политической культуры и др. факторов. Они выделяют: унитарные и федеративные государства (по принципу разделения или слияния трех основных государственных институтов), в отдельный подтип при этом могут быть выделены унитарные государства с чертами децентрализации; по идеологическому базису (политическому режиму) – либеральная демократия, молодая демократия, коммунистические государства, национал-социалистические государства, авторитарно-националистические государства, военно-авторитарные государства, исламистско-националистические государства, абсолютные монархии; системы по типу органов исполнительной власти – парламентские, ограниченные президентские, дуалистические, коммунистические, неограниченные президентские, милитаристские, абсолютные; по типам выборных систем¹². Такая классификация «по разным принципам», хотя и является достаточно сложной, тем не менее позволяет описывать все богатство политических систем и конкретной формы организации политического процесса в странах мира.

Системный подход оказал такое сильное влияние на политическую науку, что в ее современном виде категория политической системы стала

Отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М., Общественный научный фонд, 2000, с. 225–228.

¹⁰ Подробнее Сморгун Л. С. Современная сравнительная политология. М., 2002, с. 170–171.

¹¹ Интересно сравнить принципы политологической классификации и сравнительные классификационные принципы в дисциплине, получившей название «сравнительная экономика» («comparative economics»). См., к примеру, Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира. М., РОССПЭН, 2004. О влиянии политических принципов на экономические см., в частности, гл. 4 вышеупомянутой монографии.

¹² Дербишайр Дж. и Дербишайр Я. Политические системы мира. М., Рипол классик, 2004.

вытеснять соотносящиеся с ней категории государства, государственного института, государственного управления и т. д. Системный подход и категория политической системы применимы к обществам разных типов, в том числе и традиционных, западных, восточных и т. д., что делает их необычайно привлекательным методологическим инструментом для исследователей-политологов.

Проблема методологии: как сравнивать и что есть сравнение

Следующий вопрос, который возникает: как такое понимание политической системы совместить не просто со сравнительным методом, но и более конкретно, как системно сравнивать различные политические системы, расположенные в различных «спатальных» системах координат, такие несхожие в реальной жизни, особенно политические системы разных типов (западные и западные), не подвергая себя опасности или соблазну предвзятости в отношении политической системы какого-либо одного типа?

Любое сравнение нацелено на решение двух задач: оно должно обнаружить признаки генетического характера и дать историческое объяснение явления (явлений). Логико-математическими методами устанавливается основной принцип любого сравнения: сравниваемыми могут быть лишь те объекты, у которых имеются сходные признаки (математическим аналогом этого принципа является следующее положение теории множеств: если два множества не содержат совпадающих элементов, то они не эквивалентны).

На этом принципе, соответственно, основаны две операции сравнения:

- операция отождествления, основанная на нахождении сходных признаков. В соответствии с этой операцией сравнивать можно только эквивалентные понятия, которые отражают сопоставимые объекты и явления (а для географических объектов – только одномасштабные);
- операция различия, т. е. установление и объяснение различий.

В соответствии с тем, какая из операций применяется, сравнение может быть полным (если оно состоит из двух операций – сравнения и различия) и неполным (если оно состоит только из операции отождествления).

При проведении сравнения должны выполняться два правила:

- до количественного (т. е. основанного на математико-статистических методах) различия необходимо провести качественное отождествление;
- сопоставлять сравниваемые явления нужно вначале по наиболее существенным признакам.

Сравнения можно проводить в трех плоскостях:

1. в пространственном аспекте (выявление пространственных, «спатальных» различий);
2. временное («темпоральное») сравнение (с прошлым – ретроспективное сравнение, с будущим – прогнозирование), причем они могут быть двух типов – исторические (т. е. нацеленные на выявление общих тенденций и линий развития) и международные (т. е. нацеленные на выявление различий для проникновения в суть международного явления);
3. пространственно-временные («спатально-темпоральные») сравнения.

С методом сравнения тесно связаны методы построения типологий (т. е. выяснение генерализованных черт совокупности объектов, где объекты группируются по качественным признакам (функциям)) и классификаций (т. е. абстрагирований и обобщений, основанных на группировке объектов по количественным признакам). Типология и классификации помогают отвлечься от различий нескольких единичных объектов и сконцентрироваться на установлении их тождества на основе одного признака либо взаимосвязанной совокупности признаков. У типологии и классификации также есть свои правила, которые необходимо учитывать при построении.

Проблематика сравнительной политологии в конце XX в. становится в центр политической теории¹³. Для точных наук основным является экспериментальный метод, для политических основными являются системный и сравнительный, причем в практике политического исследования именно второй становится основополагающим и конкретно применяемым.

Реальная политическая жизнь реальной страны бросает серьезный вызов сравнительной политологии. С одной стороны, под сравнительными методами понимается достаточно большое количество методов, методик и приемов, которые в совокупности представляют собой сравнительную политологию (или называются ей). С другой стороны, существует большое количество исследований конкретных стран, которые также называются сравнительными (особенно в мировом комплексном регионоведении).

Основная проблема сравнительной политологии и заключается в том, что нужно понять, как применяются оба эти подхода, таким образом, что-

¹³ Для «продвинутого» читателя рекомендуем посмотреть великолепный обзор проблематики сравнительной политологии «вглубь и вширь», представленный П. Мэром (Сравнительная политология: общие проблемы), Р. Дж. Далтоном (Сравнительная политология: микроповеденческий аспект), Л. Уайтхедом (Сравнительная политология: исследования по демократизации) и Д. И. Аптером (Сравнительная политология: вчера и сегодня) в кн.: Политическая наука: новые направления. М., 1999, с. 309–386.

бы за общей генерализацией не исчез конкретный материал и конкретная специфика разных стран; с другой стороны, чтобы частности и специфика не «поглотили» понимание существования общих закономерностей. Таким образом, первая сложность сравнительной политологии и сравнительного метода в политологии и заключается в сочетании специфики и генерализации, где за генерализацией не теряется специфика, а специфика не отрицает при этом наличия общих закономерностей.

Вторая проблема сравнительных подходов заключается в необходимости умелого сочетания или взаимодействия конфигуративных и статистических (количественных) подходов (методов). В конфигуративных исследованиях акцент делается на один либо несколько случаев, таким образом, чтобы можно было понять логику политической жизни в рамках ограниченного количества установлений¹⁴. Логика такого исследования будет идти «вглубь» и включать в себя интерпретативные методы и методики. В конфигуративных исследованиях концентрируются на сравнении политических институтов и макро-политических переменных в сочетании с культурным, социальным или/и экономическим контекстом политической жизни. В рамках этого подхода в основном анализируется одна страна либо группа близких стран. В рамках исследования одной страны в такого рода подходе преобладающим становятся не только интерпретативный, но даже и интуитивный метод, и поэтому в такого рода сравнительных исследованиях трудно провести грань между сравнительной политологией и сравнительной политической историей¹⁵.

Статистические подходы в рамках сравнительной политологии основаны на совершенно другой логике. В такого рода исследованиях одно (либо ограниченное количество) предположений проверяется статистически с использованием всего богатства материалов наибольшего количества стран. Причем специфика материала каждой страны является абсолютно неважной и может лишь подтвердить либо опровергнуть первоначальное предположение (либо группу предположений). В объяснениях статистического типа абсолютно неважно, что факторы в подходах другого типа должны быть измерены, и их важность может являться относительной. С другой стороны, в статистических подходах может быть предпринята противоречивая попытка «измерения», к примеру, культурных факторов, для того чтобы

¹⁴ Терминология сравнительной политологии, особенно в России, еще не является полностью установившейся. В данном случае под термином «установления» имеется в виду аналог термина «settings» в англоязычной сравнительной политологии.

¹⁵ Об этом удачно написано Ф. Уилсоном (гл. 2. Раздел «The Political Legacy of History»). Frank L. Wilson. Concepts and Issues in Comparative Politics. An Introduction of Comparative Analysis. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1996.

включить их в группу первоначальных предположений и подвергнуть статистическому кросскультурному и кросстрановому анализу. В подходах статистического типа страна предстает не «живой страной», а группой статистических переменных, которые могут быть подвергнуты статистическому (количественному) анализу.

Таким образом, в сегодняшней сравнительной политологии существует большое количество приемов и методик, которые находятся между этих двух обрисованных нами крайностей. Чарльз Рэгин удачно отмечал, что «хотя в широком смысле все методы общественных наук можно назвать сравнительными, термин *сравнительный метод*, как правило, используется в более узком значении для обозначения особого вида сравнений – сравнения крупных макросоциальных единиц. Традиционно под сравнительным методом в узком смысле понимается основной метод, применяемый в компаративистике – разделе общественных наук, занимающемся изучением сходства и различий между отдельными обществами»¹⁶. Вопрос о сравнительном методе как особом и специфическом для компаративистики сегодня активно дебатруется, так как существует влиятельное течение в современной политологии, которое отрицает, что сравнительные общественные науки в этом смысле вообще чем-то отличаются от общественных наук в целом и политических наук, в частности. Точка зрения Ч. Рэгина на то, что в современной компаративистике наличествует четкий водораздел между качественными и количественными методами, т. е. сделан акцент на доминирование качественной традиции, не представляется достаточно убедительной в силу высказанных выше аргументов¹⁷.

На основе расширительного толкования сравнительного метода Г. Питерс удачно выделил пять типов сравнительных исследований:

- сравнительное исследование одной страны;
- сравнительный анализ сходных процессов и институтов группы стран;
- сравнение типологий и классификаций как стран и групп стран, так и внутреннего устройства их политических систем;
- статистический, либо описательный анализ данных группы стран, объединенных по географическому признаку или на основе сходности путей развития, где подвергаются проверке гипотезы, построенные на основе анализа взаимоотношений переменных, взятых из группы стран-образцов;

¹⁶ Ч. Рэгин. Особенности компаративистики. В кн.: Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., Общественный научный фонд, 1997, с. 32.

¹⁷ Там же, с. 33.

-- статистический анализ всех стран, в основе которого лежит попытка выделить модели либо взаимоотношения в рамках политических систем всех типов¹⁸.

Питерс в книге «Сравнительная политология. Теория и методы»¹⁹, посвященной основам сравнительного метода в политологии, подробно, с примерами, иллюстрирует свою убедительную типологию сравнительно-политических исследований. Соответственно, по Рэгину, в группу компактивных попадут только первые три группы исследований из классификации Питерса.

Таким образом, в современной англо-американской традиции сравнительной политологии, являющейся ведущей в современной мировой политологии, сегодня четко прослеживается тенденция, суть которой заключается в том, что широкий статистический кросстрановый анализ не является единственным типом сравнительных исследований. Т. е. исследователь должен взвесить все «за» и «против» различных подходов. Соответственно, с этой точки зрения, иногда полезнее «опуститься вглубь» одного национального государства, на субнациональный уровень, для того чтобы проанализировать, то отличает политическую систему одного государства от другого.

Кроме того, сравнительному анализу может подвергнуться одна и та же «единица», но в разные временные отрезки, т. е. возможен и кроссвременный (кросстемпоральный) анализ одного государства (страны), либо (даже политического института «внутри») национального государства. Такой сравнительный анализ может показать, каким образом меняются социальный и культурный типы внутри одной политической системы. В такого рода сравнительных исследованиях качественные методы анализа действительно превалируют над количественными, на что и указывал Ч. Рэгин. Надо сказать, что анализ такого типа чаще используется в исследованиях политической истории, а не сравнительной политологии, правда также в тех границах, где предметные поля этих двух дисциплин, имеющих все же разную методологическую базу, пересекаются. Важно отметить, что часть этого же предметного поля, но под другим углом, т. е. с учетом пространственно-географического и цивилизационного взгляда, разрабатывает и мировое комплексное регионоведение. При этом важно отметить, что существуют политологи, которые в связи с вышеперечисленными методологическими сложностями сравнительных подходов предлагают «конструировать» дисциплину на основе классификации теорий и концепций, которые анализируют и/или описывают объект, а не на основе самого объекта, и, надо сказать, делают это весьма успешно²⁰.

¹⁸ В. Guy Peters. Comparative Politics. Theory and Methods. N.Y.: Palgrave, 1998, p. 10.

¹⁹ Там же.

²⁰ Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. М., Инфра-М / Весь мир, 2001.

Логика анализа и проблемы подходов к анализу незападной и восточной специфики политических систем и культуры в мировом комплексном регионоведении

Таким образом, из очерченной логики понимания системного сравнительного политического анализа и его «спатальной развертки» в рамках мирового комплексного регионоведения вырисовываются принципы, в соответствии с которыми построена эта книга. Прежде всего, это необходимость определения общих принципов и закономерностей типологии построения и функционирования политических систем, кратко обрисованные как в первых главах настоящей книги, так и в достаточно полно представленной сегодня мировой литературе по сравнительной политологии на русском языке (это переводная литература ведущей на сегодняшний день англо-американской традиции сравнительной политологии)²¹, и менее многочисленной, но все же уже и не эпизодической российской литературе по предмету²².

Однако дальше начинается самое интересное и, одновременно, концептуально самое сложное, так как нужно отвечать на вопрос, что же является идеальной моделью, вокруг которой эти типологии построены, и каковы взаимоотношения между политической системой (политическими системами) и политической культурой (политическими культурами) регионов мира. Если мы считаем, что идеальной моделью является демократия западного типа (т. е. европейская и американская модель), то тогда мировой политический процесс будет описываться в рамках предложенного С. Хантингтоном в его книге «Третья волна. Демократизация в конце XX в.»²³ и имплицитивно подразумевать соответствие или несоответствие данной конкретной модели идеальной²⁴. В рамках такого подхода мировой политиче-

²¹ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., Аспект-пресс, 2002; Дербишайр Дж. и Дербишайр Я. Политические системы мира. М., Рипол классик, 2004; Ч. Ф. Эндрейн. Сравнительный анализ политических систем. М., Инфра-М/Весь мир, 2000; Политическая наука: новые направления. М., 1999; Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., Общественный научный фонд, 1997.

²² Соловьев А. И. Политология. М., Аспект-пресс, 2001; Сморгунюв Л. В. Современная сравнительная политология. М., РОССПЭН, 2002; Категории политической науки. Автор концепции и руководитель авторского коллектива А. Ю. Мельвил. М., РОССПЭН, 2002; Политический процесс: основные процессы и способы анализа. / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной, Инфра-М / Весь мир, 2001.

²³ Huntington S. P. The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century. Norman, 1991.

²⁴ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., Аспект-пресс, 2002; Дербишайр Дж. и Дербишайр Я. Политические системы мира. М., Рипол классик, 2004.

ский процесс будет «просто» описываться как процесс политической модернизации западного типа и эволюции «всех стран и регионов» в направлении европейской, либо американской модификаций западных либеральных демократий, а исключения будут объясняться *ad hoc*, подобно тому, как К. Маркс из-за недостатка знаний по Востоку скорректировал свою знаменитую формационную теорию объяснениями *ad hoc* – концепцией «азиатского способа производства», которая потом около ста лет дебатировалась мировым и особенно отечественным востоковедением, пока диспутанты не убиты в методологической ограниченности такой постановки вопроса.

Однако сегодня все больше и больше исследователей, как в западных странах, так и в России²⁵, высказывают сомнение в том, что теории современной западной политической модернизации и демократического транзита после событий «11 сентября 2001 г.» адекватно описывают мировой политический процесс с точки зрения региональных закономерностей и во всем многообразии²⁶. Хотел бы специально оговориться, что речь идет не об отрицании этих теорий и концепций, а о необходимости расширения методологической базы и «номенклатуры» методологических подходов, в частности, с использованием методологии региональных подходов. Один из классиков западной политологии Л. Пай (к тому же автор блестящих трудов по сравнительной политической социологии) не только признал наличие «незападного» (в его терминологии) политического процесса, но и сформулировал 17 закономерностей, которые определяют его специфику:

1. В западных обществах политическая сфера не четко отделена от общественных и личных взаимоотношений.
2. Политические партии обычно выступают представителями определенного мировоззрения, определенного образа жизни.
3. Большое число разных клик является характерной чертой западного политического процесса.
4. Особенности политической лояльности предоставляют лидерам элитических групп западных обществ весьма высокую степень свободы в выборе как долговременной, так и краткосрочной стратегии.
5. Оппозиционные партии и претендующие на власть элиты часто являются инициаторами революционных движений.
6. Для западного политического процесса характерно отсутствие интеграции его участников; это является производной отсутствия единой системы коммуникации в обществе.

См., к примеру, Володин А. Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы. «Политическая наука», № 2, 2003, с. 8–29; Карозерс Т. Конец парадигмы транзита. «Политическая наука», № 2, 2003, с. 42–65.

Эти сомнения, кстати, не означают признания значения этих теорий в конкретных и конкретно-временных обстоятельствах.

7. Западный политический процесс отличается высокими темпами рекрутирования новых политиков.
8. Для западного политического процесса характерны серьезные различия в политических пристрастиях разных поколений.
9. Там отсутствует единое мнение по поводу легитимности целей и средств политического действия.
10. В западных обществах процесс принятия политических решений слабо зависит от интенсивности и масштаба политических дискуссий.
11. Там очень высока взаимозаменяемость политических ролей.
12. Для западного политического процесса характерно наличие сравнительно малого числа организованных групп интересов, обладающих определенной функциональной ролью.
13. Лидеры западных стран стремятся к достижению популярности во всем обществе, не разделяя его на группы.
14. Аморфный характер аполитического процесса западных стран способствует тому, что позиции их лидеров по вопросу международных отношений определены более четко, чем по вопросам внутренней политики.
15. В западных государствах эмоциональный и экспрессивный аспекты политики зачастую преобладают над процессом разрешения проблем и определения государственной политики.
16. Главенствующим типом лидерства в западных сообществах является харизматический.
17. Западные политические системы функционируют в основном без участия политических брокеров²⁷.

Таким образом, модель политики в обществах западного типа в основном определяется формой общественных и личных взаимоотношений, а власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса. Поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а в основном на проблемах влияния. Процесс рекрутирования в политику в обществах такого типа фактически является процессом культурной социализации, при этом базовая структура западной политической жизни – общинная, а политическое поведение прямо или косвенно связано с общинной идентификацией. Поэтому политические группы в западных обществах ориентированы на какой-либо аспект общинной политики, а не на политическую сферу деятельности, и чтобы устоять в политической борьбе, политические партии в этих странах должны выражать свое мировоззрение и отстаивать определенный образ жизни. В этом смысле они скорее напоминают общественные движения, чем собственно политические

²⁷ Пай Л. Западный политический процесс. «Политическая наука», № 2, 2003, с. 66–86.

партии, а в политической жизни резко возрастает роль кланов. В этой связи политическая лояльность становится обусловленной не политическими целями, а скорее чувством идентичности с какой-либо общественной группой, и связанные с политической лояльностью проблемы разрешаются на уровне внутригрупповых интересов. Поэтому борьба за власть идет не между партиями, представляющими различные политические интересы, и не между группами, соревнующимися для доказательства превосходства своих административных методов, а между различными образами жизни. Поэтому в обществах такого типа нет единого политического процесса, а есть несколько практически независимых политических процессов, связанных с различными образами жизни населения. Именно поэтому и политически значимые посты в странах такого рода нередко не имеют четко определенных границ, государственная бюрократия может фактически превратиться в партию (точнее – партию власти), а армия – выступить в роли правительства.

Хотя в незападных странах обычно довольно много неофициальных политических организаций, они действуют или как объединения, сформированные для защиты интересов своих членов, или в действительности представляют интересы правительства и/или наиболее влиятельной политической партии или движения, т. е. мобилизуют население для поддержки господствующей группы, а не действуют как группы политического давления. Поэтому политик национального масштаба в этих странах должен прибегать к лозунгам общего характера, поскольку у него отсутствует возможность четко определить скрытые потребности населения, вместо того чтобы формулировать четкую позицию по определенным проблемам. Соответственно, облеченный властью не должен обнаруживать и решать проблемы, достаточно просто находясь в центре политического (т. е. общинного) процесса, что он и делает просто из-за того, что облечен властью «свыше». Поэтому в обществах незападного типа главенствующим типом лидера является харизматический, а политические системы функционируют без участия политических «брокеров».

Описанная Л. Паем структура незападного политического процесса хорошо объясняет его специфику. Но признав отличие незападных обществ от западных, на основе которого и выписана Л. Паем специфика незападного процесса, мы можем пойти дальше и определить специфику восточных обществ и специфику политического процесса в обществах восточного типа²⁸. Надо сказать, что специфика такого рода хорошо определяется при анализе дихотомического типа (Запад/Восток).

²⁸ Пути к этому, кстати, также были намечены Л. Паем. См.: L. Pye, M. Pye. *Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics*. Cambridge, 1985.

Прежде всего обозначим два подхода к определению специфики восточных обществ в рамках мирового комплексного регионоведения, которые позволят нам определить и специфику их политического процесса. Эти два подхода сегодня достаточно детально проработаны отечественным востоковедением. В соответствии с первым подходом доантичные западные и восточные политические структуры были идентичны. Начиная с античности произошло разделение политических структур на два типа: западные и восточные. В обществах западного типа:

- структурирующий характер имеют рыночно/частно-собственнические отношения;
- там доминирует товарное производство;
- там отсутствует централизованная власть;
- соответственно там существовало демократическое самоуправление общины, которое впоследствии переросло в структуру, в сегодняшних западных обществах получившую название «гражданского общества»²⁹.

В соответствии с этой концепцией общество такого типа было подвержено достаточно быстрым структурным модификациям, что вызывало его быструю эволюцию в сторону обществ высококонкурентного типа, с точки зрения функционирования политической и административной системы.

В обществах второго типа – восточных – не было господствующей роли частной собственности, а доминировала общественная и государственная собственность (т. е. власть была эквивалентна собственности, и наоборот, в то время как в обществах западного типа со времен Венецианской республики произошло разделение собственности (денег) и власти, которая могла быть «просто» наемной, а ее главной функцией являлась функция управления). В восточных обществах не было норм права, которые защищали частно-собственнические отношения (Римское право), там превалировала государственно-общинная форма ведения хозяйства, и государство в силу этого доминировало над обществом, а не наоборот. При этом, хотя общество и создавало альтернативные структуры противостояния государству/власти (семья, клан, община, каста, цех, секта, землячество и др.), но они своей определенной частью были вписаны в систему государства (кастовый состав государственных институтов в Индии; клан, землячество в Китае, руководитель которых был тесно связан с государственной системой либо просто являлся ее низшей частью – особым чи-

²⁹ В западной политической науке классическим выразителем этих взглядов является Д. Ландес (D. Landes. *The Wealth and Poverty of Nations*. L. 1998). Наиболее ярко и четко, но по-другому, чем Д. Ландес, в отечественном востоковедении эти положения были сформулированы Л. С. Васильевым (История Востока. т. 1, 2. М., 1999. и другие его работы).

новником). Общества этого типа в силу указанной специфики политической структуры всегда стремились к внутренней устойчивости, консервативной стабильности, в них закреплялось только то, что соответствовало нормам корпоративной/общинной этики, и они в силу этого постоянно воспроизводили политические структуры одного типа. В соответствии с объяснениями такого рода становилось понятно, почему восточные общества не становятся демократиями западного типа и что нужно сделать, чтобы они таковыми стали. В соответствии с этой логикой на Западе двигателем новаций, в том числе и политических, являлся индивид, который был гражданином-собственником, а на Востоке – община, которая принимала только то, что соответствовало нормам общинной/корпоративной этики или традиции (т. е. то, что соответствовало коллективному, а не индивидуальному/индивидуалистическому опыту).

Однако в последние десять лет в востоковедной политологии и мировом комплексном регионоведении появилось альтернативное объяснение специфики восточных обществ³⁰. В соответствии с этим пониманием особенности социального строя на Востоке определялись следующими параметрами:

– права индивида на Востоке существовали и охранялись только по отношению к другому индивиду, а права индивида по отношению к государству отсутствовали;

– собственность на землю на Востоке была разделена на две части: собственность на землю как на территорию с подвластным населением (т. е. собственность на налог), которая находилась у правящего слоя, который одновременно составлял административный аппарат государства, и собственность на землю как на объект хозяйства, которая принадлежала землевладельцам и налогоплательщикам (т. е. крестьянам и помещикам одновременно).

Такая ситуация определяла наличие двух господствующих классов, со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Исходя из этих условий специфику обществ восточного типа можно определить следующим образом:

1. В обществах такого типа из-за перечисленных выше структурных причин существовала стойкая многоукладность, сопровождавшая весь процесс исторического развития.

³⁰ История Востока. Т. 1. Восток в древности / Отв. ред. В. А. Яковсон. М., 1999; История Востока. Т. 2. Восток в средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян. М., 1999; История Востока. Т. 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, Н. И. Иванов. М., 1999; Социальный облик Востока / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М., 1999. В западной политологии сходные, но структурно абсолютно другие и гораздо более детальные аргументы представлены Андре Гундер Франком (A. G. Frank. ReOrient.L., 1998).

2. В обществах такого типа всегда будут более длинные межформационные периоды (исторические эпохи, т. е. длительные полосы исторического развития, характеризующиеся более или менее устойчивым взаимодействием двух и более одновременно существующих общественно-экономических укладов).

3. В обществах такого типа всегда будет существовать сопротивление «культур-полуцивилизаций» (в терминологии Ф. Броделя), т. е. цивилизационная гетерогенность, где под цивилизацией понимается этап в развитии культуры, который включен в исторически определенную систему общественных отношений, несет в себе формационную специфику и вместе с тем последовательно накапливает культурно-политическое содержание.

4. Общества такого типа в силу своей этнической и культурной/цивилизационной гетерогенности нуждаются в институтах компенсации неоднородности населения и неравномерности развития этнической общины, а соответственно, там гипертрофированную роль по сравнению с обществами другого типа играют государство и религия, функцией которых является централизаторская, цементирующая и унифицирующая роль в обществе.

5. Кроме того, в обществах такого типа, в силу как внутренних, так и внешних причин, капитализм имел неоднородный и анклавный характер, что определило как экономическую, так и политическую специфику развития этих обществ³¹.

Если мы согласимся с таким определением политико-экономической специфики обществ восточного типа, то достаточно легко сможем выписать специфику политического мира в обществах западного и восточного типов.

В обществах западного типа:

1. основополагающим является принцип «технологического/технистского» отношения к миру – к природе как к естественной среде и к обществу как к социальной среде, выраженный известным афоризмом «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней хозяин». Соответственно, в обществах западного типа превалирует свободная, спонтанная, но рационалистическая воля индивидуума, которая не ограничена ни космическим, ни нравственным законом (мы свободны вплоть до свободы убивать друг друга – «философская» основа всех европейских войн). Статус индивидуума в таком обществе не гарантирован «порядком Вселенной», индивидуум в нем неконформист. Такое общество основано на воле индивидуума, в нем нет места фатализму, как в обществах восточного типа, где нет случайных, спонтанных вариаций и все предопределено «ходом

³¹ Подробнее аргументы представлены: Ланда Р. Г. Цивилизация, формация и социум на Востоке. В кн: Социальный облик Востока / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М., 1999, с. 15–28.

вещей». Западное общество является социентричной самодетерминирующей системой, оно не космоцентрично, как восточное. Природа и общество (человек) в нем конгломеративны, т. е. человек и природа не связаны в единое гармоничное, неразрывное целое, как в обществах восточного типа. На Западе человек всегда «преобразует» природу. Соответственно, в обществах такого типа существует примат правового государства, в котором важна приемлемость социального поведения и универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы.

2. Общества западного типа основаны на принципе неопределенности, в них политика – игра, основанная на равенстве шансов и неопределенности конечного результата. Т. е. в западном обществе история открыта и негарантирована, она непознаваема, так как человек не знает ее конечных перспектив. В таком обществе нет объективной политической истины, истина в нем конвенциональна (принята по соглашению), соответственно в обществе должен быть определенный консенсус и признание точки зрения меньшинства³².

3. Общества западного типа основаны на атомарно-номиналистическом принципе, в соответствии с которым действует принцип гражданского договора (никто не может меня принудить к тем или иным общественным связям, которые действительны лишь в той мере, в какой индивидуум их добровольно принял как субъект равноправных отношений), из которого вытекают, соответственно, взаимобязательные отношения граждан с государством, а не односторонние обязательства подданных в отношении государства.

4. Общества западного типа основаны на принципе разделения власти, при этом власть должна быть выборна, осуществляться большинством, но регулироваться обязательными конституционными правовыми нормами; она не может распространяться на определенные сферы частной жизни, а у меньшинства должны быть правовые гарантии, обеспечивающие его интересы. Соответственно власть должна быть легитимна (законодательная власть должна избираться народом), эффективна (исполнительная власть должна

³² Эти положения связаны с идеями реформации М. Лютера, в соответствии с которыми не ясно, кого Бог определил к спасению (непознаваемость Божественной воли), существует одиночество совести (человек сам, без посредников, ищет путь к спасению), избранность подтверждается успехом практических повседневных начинаний (этика ответственной повседневности). Далее эти идеи были трансформированы и развиты А. де Токвилем, который говорил о демократии свободы (индивидуальная свобода выше равенства) и демократии равенства (неравных от природы нужно уравнивать, так как существует социальная справедливость). Соответственно конкурируют и взаимодополняют друг друга две модели – либеральная (существует свобода выбора, а человек спонтанно стремится к свободе и благополучию) и патерналистская (свобода должна быть ограничена властью, которая выступает как благонамеренный опекун народа) модели общественного устройства.

быть автономна), а судебная власть является независимой от первых двух (должно обеспечиваться подчинение как граждан, так и государства закону).

5. Западные общества основаны на системно-функциональном принципе, в соответствии с которым не так важно содержание элемента системы, как та функция, которую этот элемент выполняет.

6. В них существует принцип отделения ценностей от интересов, в соответствии с которым в области политики не решаются смысловые вопросы бытия, так как итоги политического соревнования не окончательны (через определенное, весьма короткое время можно будет снова законно прийти к власти), и во время этого соревнования (выборов) согласовываются практические (земные) интересы, по которым возможен, и даже необходим, компромисс различных политических сил.

7. Общества такого типа пропагандируют систему «открытого» типа («открытое общество»), где в идеале нет сословных перегородок, существует высокая социальная мобильность, отсутствуют «великие» коллективные ценности (т. е. главенствует принцип атомарности интеллектуальной деятельности), где национального суверенитета нет (или он постепенно сводится к минимуму) и существует принцип равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревновательности³³.

В восточном политическом мире все вышеперечисленные принципы в той или иной степени могут существовать, но они не являются главными. В обществах восточного типа основополагающими являются другие принципы, а именно:

1. Принцип воздержания от волюнтаристской активности (знаменитая концепция древнекитайской политической философии у-вэй («недеяния») и ее сегодняшнее дэнсяопиновское воплощение «переходить реку, нащупывая камни», т. е. в восточном мире нет «деятеля» («преобразователя») в «западном» смысле этого слова, там человек следует ходу вещей, великому космическому закону (вспомним принципы организации войска, осуществляемые Наполеоном и Кутузовым, как они выписаны Л. Толстым в романе «Война и мир»), в соответствии с которым этика и ритуал слиты вместе, ритуал кодифицирует писаные и неписаные законы поведения, причем в области морали и этики творческие импровизации являются сомнительными. В этой системе социальное поведение должно быть предсказуемым, каждый должен ждать своего часа, идеал – патерналистская модель, основанная на отцовской опеке и соответствующей ей сыновней почтительности. Соответственно этим принципам политический процесс – не процесс производ-

³³ Впервые в отечественной политологии эти принципы были удачно проанализированы А. С. Панариным. См.: Панарин А. С. Политология. Западная и восточная традиции. М., 2000.

ства власти, как на Западе, а вычленение и поддержка имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного.

2. Восточные общества основаны на теократическом принципе, в соответствии с которым государство – постоянно мобилизованный носитель ценностных, нравственно-религиозных критериев, стремящийся контролировать все социальные практики. Такое понимание государства основано на восточной традиции, в соответствии с которой город есть воплощение государственной власти, а народ есть духовная общность, скрепленная традицией (т. е. общностью культурной памяти) и надеждой на грядущее воплощение правды-справедливости. Соответственно, на Западе город выступал как частно-гражданская альтернатива государственной власти и основа «гражданского общества», а государство было беспристрастным наблюдателем процессов, происходящих в гражданском обществе, вмешивающееся в его жизнь только в случае прямых беспорядков. В восточных обществах политическая власть может ограничиваться и контролироваться духовной властью в «помыслах», т. е. высших ценностных ориентациях. Отсюда следует вера в сакральность всего земного пространства на Востоке и соответственно в необходимость осуществления принципа соборности (А. Хомяков), т. е. организации светского общества по принципу храмовой общины с иерархией священник/царь/пророк и обязательным посредником между человеком и Богом.

3. В обществах такого типа действует принцип уравнительной справедливости, т. е. статус человека в обществе определяется скорее не происхождением, связями, деньгами, личными успехами, а служебным усердием. В соответствии с этим принципом административные территории внутри государства должны контролироваться верховной властью, должно в той или иной степени существовать центральное регулирование экономики и государственная монополия на недра.

4. Государства восточного типа основаны на принципе «священной справедливости», т. е. государственность в них – мессианская, свобода не индивидуальна, а коллективна, это свобода народа, которая конструируется коллективно, у народа соответственно – коллективная судьба, коллективное призвание (нельзя спастись одному, можно спастись только всем вместе), государственность является сакрализованной, и она воспроизводится в локальных сообществах как высшая ценность³⁴.

Таким образом, если мы признаем не только то, что политическая культура может определять политическую систему, но и согласимся с фактом плюрализма политических культур и, соответственно, взглядов на политическую систему и политику вообще, то, в частности, не отрицая того факта, что

³⁴ Там же.

демократия не идеальный способ правления, но наилучшего человеческого политическая мысль пока не придумала³⁵, мы будем должны признать:

- наличие разных типов обществ (западного и незападного, где среди незападных существует особый подтип восточных);

- наличие разных видов, моделей демократий (не только европейской и американской, а, скажем, азиатского типа – японская, тайваньская и др.), причем демократии «другого» типа могут, по-видимому, достаточно сильно отличаться от европейской и американской модели, в связи с отличиями социально-политических структур в этих странах, но при этом все же являться демократиями;

- наличие специфики, культурной и социально-психологической, т. е. связанной со спецификой культуры (в частности, политической) и национальной психологии и национального характера (в частности, в связи с особой ролью религиозного или какого-либо другого фактора, к примеру, связанного с существованием правовой системы особого рода) и т. д.;

- наличие «других» политических систем и политических культур, которые не «лучше» и не «хуже», а просто «другие» (подобно тому, как мужской пол не лучше/хуже женского, а просто – другой пол) и, возможно, лучше приспособлены для решения политических проблем специфических обществ иного, чем западные, типа;

- в проблеме типологизации политических систем и их сравнении с «эталоном» есть достаточно большая доля идеологизованности и субъективности, связанная с тем, что методологически любая типологизация связана с редукцией и интерпретацией.

Признание этих положений позволит нам дополнить (или точнее – наполнить) описание общих закономерностей функционирования политических систем региональной и страновой «плотью и кровью», т. е. конкретным анализом специфики политических систем и политических культур других стран и регионов мира, в частности, в нашем случае, стран Востока, во всей сложности их реального функционирования, что мы и предлагаем сделать читателю данной книги, а преподавателям в соответствии с предложенными принципами – построить образовательный процесс.

Таким образом, усвоение материала по данной проблематике должно начинаться с выяснения общих принципов построения типологии и форм функционирования политических систем³⁶, далее можно переходить к оз-

³⁵ Применительно к Востоку эта мысль удачно развернута в «Эссе о демократии» в кн.: Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М., 1999, с. 3–16.

³⁶ Основная литература на русском языке по этой проблематике: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., Аспект-пресс, 2002; Ч. Ф. Эндрейн. Сравнительный анализ по-

комлению с общими характеристиками политических систем государств разных регионов мира, типологизированными по разным критериям³⁷, параллельно с чтением вводных глав данной книги, а потом уже можно углубляться в анализ конкретной специфики функционирования восточных политических систем определенного типа в определенных регионах (т. е. в разных «спатальных» развертках), в соответствии с которыми и организован материал (часть 1 и 2)³⁸, т. е. анализ материала и обучение строятся на разработанном нами «спатально-аналитическом» принципе, а не на превалировавшем ранее противопоставлении «спатального» принципу «аналитическому».

Таким путем, на наш взгляд, можно будет получить представление о специфике функционирования политических систем Востока, не забывая об общих закономерностях, а знание общих закономерностей не будет исключать не только конкретного знания того, как функционируют политические системы конкретных стран Востока, но и специфики их функционирования. При этом полученные знания не будут оторваны от жизни, а могут быть достаточно легко применены в практической деятельности.

Литература

- Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002.
- Белокреницкий В. Я. Восток через призму мировых демографических процессов. Восток, 1999, № 5.
- Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталев М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002.
- Золодин А. Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы. Политическая наука, № 2, 2003, с. 8–29.
- Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2002.
- Дербишайр Дж. и Дербишайр Я. Политические системы мира. М., 2004.
- Истон Д. Категории системного анализа политики. В кн.: Антология политической мысли. Т. 2. М., 1997.
- История Востока. Т. 1. Восток в древности / Отв. ред. В. А. Яковсон. М., 1999.

литических систем. М., Инфра-М / Весь мир, 2000; Сморгун Л. С. Современная сравнительная политология. М., 2002.

³⁷ Основная литература: Дербишайр Дж. и Дербишайр Я. Политические системы мира. М., Рипол классик, 2004; Вся Азия. Справочник. М., АСТ-Муравей, 2003.

³⁸ Списки основной и дополнительной литературы развернуты в приложениях к настоящей книге.

- История Востока. Т. 2. Восток в средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян. М., 1999.
- История Востока. Т. 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, Н. И. Иванов. М., 1999.
- Карозерс Т. Конец парадигмы транзита. Политическая наука, № 2, 2003, с. 42–65.
- Категории политической науки. Автор концепции и руководитель авторского коллектива А. Ю. Мельвиль. М., 2002.
- Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход. М., 1999.
- Пай Л. Незападный политический процесс. Политическая наука, № 2, 2003, с. 66–86.
- Панарин А. С. Политология. Западная и восточная традиции. М., 2000.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
- Политическая наука: новые направления. М., 1999.
- Политический процесс: основные процессы и способы анализа / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М., 2001.
- Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира. М., 2004.
- Сморгунов Л. В. Современная сравнительная политология. М., 2002.
- Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997.
- Соловьев А. И. Политология. М., 2001.
- Социальный облик Востока / Отв. ред. Р. Г. Ланда. М., 1999.
- Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М., 1999.
- Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000.
- Chilcote, Ronald H. Theories of Comparative Politics. The Search of a Paradigm Reconsidered. Boulder, 1994.
- Frank, Andre G. ReOrient.L., 1998.
- Hay, Colin. Political Analysis. A Critical Introduction. N.Y., 2002.
- Landes, David. The Wealth and Poverty of Nations. L. 1998.
- Peters B.G. Comparative Politics. Theory and Methods. N.Y., 1998.
- Pye, Lucian, Michael Pye. Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics. Cambridge, 1985.
- Roskin, Michael D., James A. Medeiros, Walter S. Jones. Political Science. An Introduction. Englewood Cliffs, 1988.
- Wilson, Frank L. Concepts and Issues in Comparative Politics. An Introduction of Comparative Analysis. Upper Saddle River, 1996.